

Командарм. Позади Москва

Автор:

Олег Таругин

Командарм. Позади Москва

Олег Витальевич Таругин

Военно-историческая фантастика Комбат #4

Долгожданное продолжение цикла романов о русском офицере из будущего, начатого книгами "Комбат", "Комбриг" и "Комдив"!

История все-таки меняется. И меняется даже без участия майора Кобрина и его товарищей. Спасительное послезнание больше не работает. Полагаться ныне приходится исключительно на самого себя – и, разумеется, на профессионализм и героизм рядовых бойцов и командиров Красной Армии. Поскольку не выполнить нынешнее боевое задание просто невозможно: ведь позади – Москва. И значит, нельзя ни отступить, ни проиграть! Вяземский разгром, названный историками "черным октябрём", не должен повториться ни при каких условиях! Поскольку, как было сказано задолго до рождения Кобрина: "Велика Россия, а отступать некуда"...

Олег Таругин

Командарм. Позади Москва

© Таругин О. В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

* * *

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей. Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (forum.amahrov.ru). Спасибо большое, друзья!

Пролог

Москва, Кремль, сентябрь 1941 года

С сожалением повертев в руке потухшую трубку, товарищ Сталин принялся неспешно выколачивать остывший и впитавший влагу из чубука пепел в массивную хрустальную пепельницу, стоящую на зеленом сукне. Покончив с этим, Иосиф Виссарионович отложил ее на самый край рабочего стола. На свет немедленно появилась одна из нескольких запасных. Вождь ломал извлекаемые из раскрытой пачки «Герцеговины Флор» папиросы, заполняя табаком потемневшую от нагара чашу и отправляя пустые картонные гильзы в пепельницу. Палец с пожелтевшим от никотина ногтем аккуратно утрамбовывал табак в трубочной камере.

Народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия был знаком с руководителем страны слишком много лет, чтобы не знать, что столь затянувшаяся пауза означает лишь одно: Сталин размышляет, выстраивая в голове канву будущего разговора. И мешать ему сейчас, прерывая привычный ритуал, категорически нельзя. Не просто нельзя, но даже и чревато, поскольку начать разговор непременно должен он сам. Нет, заговори Берия первым, ничего катастрофического не произойдет, разумеется. Не ворвутся представители «кровавой гэбни», наркомвнуделу не заломят руки и не потащат в «подвалы энкавэдэ» на немедленный расстрел – за неполный месяц главный куратор проекта «Мозг» чего только не наслушался...

Именно так – изначально ничем не подкрепленные предположения, что в разуме тех, кто некоторое время находился под ментальным (вот какие слова он теперь знает, да!) контролем «гостей из будущего», могут сохраниться их собственные воспоминания, полностью подтвердились! Погруженные в состояние глубокого гипноза, «реципиенты» начинали рассказывать. Причем рассказывать ТАКОЕ...

Информации было много, очень много. К сожалению, крайне разрозненной, порой обрывочной, которую еще только предстояло окончательно свести воедино и грамотно проанализировать. Чем, разумеется, сейчас и занимались особо доверенные люди. Хорошо еще, что после сеанса все испытуемые ровным счетом ничего не помнили, что было установлено абсолютно точно. А вот привлеченные к проекту специалисты уже навсегда останутся под особым контролем. Ничего страшного, впрочем, скорее наоборот: теперь им будет предоставлена возможность заниматься исследованиями без каких-либо ограничений. Своя спецлаборатория, оборудованная по последнему слову науки и техники, любые необходимые сотрудники, неограниченный бюджет... пусть работают! Пусть исследуют, изучают, выдвигают теории, пытаются их доказать или опровергнуть. Вдруг да удастся самим разработать методику переноса сознания от одного человека к другому! Последнее крайне сомнительно, конечно, и практически нереально, куда им в этом плане с потомками тягаться, ну, а вдруг нащупают какую ниточку? Это ж какие перспективы открываются, даже представить страшно...

Но не обошлось и без той самой хрестоматийной ложки дегтя из старой пословицы. По необъяснимой пока причине более-менее связные и подробные сведения о будущем дали лишь те трое, с кем «контактировал» фигурант Кобрин. Капитан Минаев, подполковник Сенин и полковник Лукьянин. Остальные, которых отыскалось пятеро (еще трое или четверо возможных

«фигурантов» погибли во время боев), обладали гораздо меньшими знаниями, касающимися в основном их непосредственного задания. Знаниями, уже не имеющими особого практического значения, поскольку эти сражения остались в прошлом. О своем родном времени они помнили все – биографии, места службы, участие в боевых действиях на немыслимо далеких планетах. А вот историю Великой Отечественной и послевоенных лет вплоть до распада СССР – лишь урывками, не представляющими существенной ценности.

Лаврентий Павлович подозревал, что это вовсе никакая не случайность; не особенность их мозговой деятельности, как полагали ученые мужи. Ему отчего-то думалось, что неведомые потомки сделали так СПЕЦИАЛЬНО, но пока он держал свое мнение при себе, поскольку ни доказать, ни опровергнуть ничего не мог. Зачем, почему они так поступили? Да кто ж их поймет, потомки же! Еще и далекие к тому же... Поди узнай, что у них там в мозгах за столько столетий изменилось! Немца побороть помогают – и на том спасибо. А с остальным разберемся, мы тоже не пальцем деланные – самодержавие скинули, беляков победили, страну из разрухи подняли, промышленность с армией практически с нуля возродили... разберемся, одним словом. И не такие вопросы решали, посложнее. Как сам товарищ Сталин говорил, «нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять»! [1 - Это широко известное выражение впервые было произнесено И.В. Сталиным еще в 1928 году: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики». В 1931 году он снова повторил его, несколько перефразировав: «Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять» (здесь и далее – прим. автора).]

Что же до помянутой «гэбни» и «подвалов», так эта информация оттуда же, от «гостей», суть – из будущего. Был у них в истории такой мрачный период, когда все светлое, что с советским строем связано, начали по науськиванию из-за рубежа усиленно грязью поливать. А после и вовсе великую страну на полтора десятка удельных княжеств развалили, чего даже при царе не случалось. Впрочем, чему тут удивляться-то? Что сейчас, что полвека спустя – именно тогда в будущем эта самая «перестройка» с прочей «гласностью» началась – ничего не меняется. Как стояла Россия одна против всего мира, так и стоит. Даже враги прежними остались, хоть сейчас и в союзниках числятся. Кстати, насчет нынешних союзников, Англии да США, «реципиенты» Кобрин тоже мно-о-ого чего интересного порассказали. И если задуматься, так еще неизвестно, кто из них хуже, Гитлер или такие, с позволения сказать, «друзья»...

Звук зажигаемой спички оторвал главу НКВД от размышлений. Взглянув на окутавшегося дымом Вождя, народный комиссар мысленно собрался. Все, время пришло, сейчас начнется разговор.

– Я прочитал, Лаврентий, – как всегда без предисловий начал Сталин, прекрасно зная, что собеседник поймет, о чем речь. – Внимательно прочитал, очень даже внимательно. Страшные здесь вещи. – Иосиф Виссарионович коснулся чубуком трубки лежащей перед ним папки, картонная обложка которой была девственно чиста, ни единой надписи или штампа: то, что находилось внутри, не подпадало, пожалуй, ни под один из существующих грифов секретности. Просто самая обычная канцелярская папка с безликим «ДЕЛО №» на серой поверхности.

– Страшные, товарищ Сталин, – покладисто согласился Берия. – Но не потому ли ОНИ и сделали так, чтобы мы узнали об этом заранее? И смогли все исправить?

– Не знаю, Лаврентий, – негромко ответил тот, на миг скрывшись в сизых клубах табачного дыма. – Не знаю.

И неожиданно, как он любил, сменил тему:

– Другое мне скажи. Сам как считаешь, почему только Кобрин нам свою память практически полностью, гм, передал? А остальные – только обрывки какие-то? Случайность, простое совпадение? Или так было специально задумано?

Несмотря на великолепную выдержку и опыт общения с Вождем, народный комиссар едва не вздрогнул, припомнив свои недавние мысли. Вот тебе и «держал свое мнение при себе»! Какое там! САМ мгновенно пришел в точности к такому же выводу, что и Берия, едва прочитав представленный отчет, который хоть и был достаточно подробным, но все же не содержал всей известной на данный момент информации. Но нужно отвечать, ОН терпеть не любит долгих пауз:

– Считаю, что это, скорее всего, никакое не совпадение, товарищ Сталин! – твердым голосом ответил наркомвнудел. – Ознакомившись с данными, я пришел к тому же самому выводу, что и вы. Предполагаю, «фигурант» по какой-то причине был выбран специально для передачи нам информации. Ценнейшей информации! При этом сам он почти наверняка ни о чем не подозревает.

– Объясни.

– Если б он был в курсе, просто не стал бы рассказывать все Зыкину. Помните, я докладывал? Но, судя по докладу лейтенанта госбезопасности, Кобрин определенно старался выговориться, успеть рассказать, как можно больше. Я практически убежден, что это была его личная инициатива.

– Хм, даже так?

– Именно. Предполагаю, ему было запрещено раскрываться перед нами. Но он решился нарушить – вернее, обойти – приказ своего командования и помочь нам. Как он сам считал – по собственной инициативе. О том, что примерно так и было задумано, он не имел ни малейшего представления.

– Любопытно, Лаврентий, очень любопытно. А почему же он не попытался выйти с нами на прямой контакт?

– Каким образом, товарищ Сталин? Во-первых, это означало бы уже не обойти, а прямо нарушить приказ. Во-вторых, с переданных Зыкиным слов «фигуранта» совершенно точно понятно, что Кобрин – как и остальные наши «гости» – участник некоего... – Берия все-таки замялся, подбирая подходящее определение, – научного эксперимента по проникновению в прошлое и изменению истории. Обучение же военной науке в качестве слушателей академии Генштаба, о котором они все как один рассказывают, скорее всего, либо вторично, либо, что скорее, проводится параллельно с реализацией основного задания. Хотя вполне может иметь место и третий вариант: основная часть «фигурантов» и на самом деле просто проходит тренировку, но некоторые, тот же самый Кобрин, к примеру, еще и доводят до нас важнейшую информацию. Конечно, это только наши предположения, но... Вы обратили внимание, КАК он возвращался в свое время? Капитан Минаев просто лег спать, проснувшись уже самим собой. Комбриг Сенин едва не погиб, попав под вражеский авианалет, видимо, Кобрину забрали обратно в самый последний момент, поскольку не были уверены, что его не разнесет в клочья немецкой бомбой вместе с подполковником. А вот полковник Лукьянин... тут совсем интересно. Просто потерял сознание на глазах всего своего штаба. Почему так? Ведь ему абсолютно ничего не угрожало, я это точно выяснил.

- Что думаешь? – Иосиф Виссарионович сделал новую затяжку. Выпустив дым, он отложил трубку, что означало крайнюю степень заинтересованности.
- Считаю, ОНИ сделали это специально. Как раз для того, чтобы мы обратили особое внимание именно на его реципиентов. – Берия впервые произнес этот медицинский термин именно таким образом, без выделения голосом.
- Получается, опоздали наши всезнающие потомки? – ухмыльнулся Вождь. – Мы и без них догадались?
- Именно так, товарищ Сталин. Они ведь не знали, что мы и сами придем к подобному выводу. И немедленно привлечем нужных специалистов.
- Хорошо, Лаврентий, я тебя понял. И в целом согласен, это и в самом деле похоже на правду. Почему в документах об этом не написал?
- Хотел сначала проверить. Вы ведь знаете, товарищ Сталин, я никогда не довожу до вас непроверенной...
- Ай, проверить он хотел. – Иосиф Виссарионович махнул рукой. – Как такое проверишь? Проверить такое нельзя. Можно предположить, допустить или... ПОВЕРИТЬ. А ведь нам с тобой хочется им поверить, а, Лаврентий?
- Не знаю, товарищ Сталин... – абсолютно честно – можно подумать, он решился бы соврать! – ответил народный комиссар. – Как большевик и материалист, я привык рассчитывать только на собственные силы и знания. Но... скорее да, чем нет.
- Вот и я о том же... – задумчиво протянул Вождь. – Но очень бы хотел понять, можем ли мы им доверять после всего, что они натворили с нашей страной в этом своем будущем. Ладно, Лаврентий, я еще подумаю над этим. Пока другое скажи: что собираешься делать в этом направлении дальше?
- Продолжать работу по проекту «Мозг», разумеется. Во всех смыслах. Вы даже не представляете, что все эти профессора с прочими докторами наук предлагают!

– Это-то понятно, что продолжать. А с этими – как ты там их называешь, реципиенты? – как поступишь? Оставишь у себя под особым контролем?

Этого вопроса наркомвнудел ждал давно. Ждал, но не знал точно, как правильно ответить.

– Не уверен, товарищ Сталин. Специалисты абсолютно убеждены, что они ничего не вспомнят. Абсолютно ничего и никогда. А лишать фронт грамотных, успешно повоевавших командиров, пользующихся уважением у подчиненных? Да еще и в столь сложное время? Не знаю, стоит ли...

– А если их немцы захватят? И тоже того... загипнотизируют?

– Не выйдет их еще раз гипнозом взять, – позволил себе легонько улыбнуться Лаврентий Павлович. – Я подстраховался. Повторный гипноз не поможет – мои спецы им какую-то «закладку» в мозг установили. Блокирующую, что ли. Так что гипноз им больше не опасен. При попытке ее взломать человек то ли с ума сойдет, то ли вовсе умрет. Как-то так...

– Молодец. Тогда пускай и дальше воют. Ну, присмотришь, разумеется, но аккуратно, издалека. А насчет этих троих, которые с Кобриным контактировали? Есть такое мнение, что мы их в учебные части отправим, пусть боевой опыт передают. И тоже под особый контроль, но мягко, давить на них запрещаю категорически. Понятно, Лаврентий?

– Разумеется, товарищ Сталин. Я так и предполагал.

– Хорошо. Да, и вот еще что: этот твой лейтенант Зыкин. Виктором его зовут, да? Он группу создал?

– Создал, – хмыкнул Лаврентий Павлович. – Он сам да еще один наш сотрудник, сержант госбезопасности Колосов, которого он подобрал, пока по госпиталям ездил. Проверили, надежный. Присвоим младшего лейтенанта. Вот и вся его невеликая группа на данный момент. Ну, и еще троих я ему сам прислал, люди тоже абсолютно надежные, полностью мои. Группу Зыкин предложил назвать «А».

– Почему «А»? – искренне заинтересовался Вождь.

– Говорит, по степени важности. Мол, первая буква алфавита, поскольку ничего важнее и быть не может.

– А что, разумно, – ухмыльнулся в прокуренные усы Иосиф Виссарионович. – Ну, пускай будет «А», хорошо звучит. Присматривай за ним, толковый парень. И знает больно уж много.

– Разумеется, товарищ Сталин.

– Подкинь ему еще пяток людей, пускай работают. Гипноз – это, конечно, очень хорошо, в возможностях нашей науки я не сомневаюсь, но нам очень нужно все-таки поговорить с этим Кобриным, кем бы он ни был... и какими бы соображениями ни руководствовался. Лично поговорить, понимаешь?

– Конечно. При первом же подозрении...

– При чем тут подозрения? – повысил голос Сталин. – Мы что, на картах гадаем? На кофейной, понимаешь ли, гуще? Проанализировать все доступные сведения о ближайших сражениях и вычислить, где вероятнее всего может объявиться наш фигурант! Наверняка ведь он снова появится в одной из, гм, ключевых точек. Поскольку историю войны мы теперь, можно сказать, знаем, то сумеем и эти самые точки найти. И немедленно туда, в запасе будет всего несколько дней. Аккуратно, понятно, не вызывая подозрений. Хотя что-то мне подсказывает, Лаврентий, не станут Кобрина срочно обратно выдергивать, когда мы его отыщем. Если все так, как мы с тобой полагаем, им самим КОНТАКТ нужен. Ну, а мы? Что скажешь?

– Мы тоже давить не станем, – мгновенно отреагировал Берия, отлично уяснив идею собеседника. – Если вычислим, где... ну, в смысле, в ком нынче Кобрин окажется, – поможем, так? В конце концов, главное для нас – фашиста поскорее одолеть. И не такой ценой, как в прошлый раз случилось.

– Правильно понял, так и поступим. Думаю, в обороне Москвы он обязательно отметится, сейчас это главное направление. Практически убежден, что где-то в районе Вязьмы появится, там вскоре главные события этой осени начнутся. Так что на Западный фронт особое внимание обрати. Нужно прикинуть, в кого его на

сей раз подселить могут. Ты подумай над этим, Лаврентий, это может быть чрезвычайно важно.

– Уже думаю, товарищ Сталин!

– Вот и хорошо. А я тебе немного подскажу. Смотри, как получается: уровень батальон-бригада-дивизия он уже прошел, так? Причем именно в таком порядке, по нарастающей, так сказать. Остается корпус или армия, причем, скорее, именно армия. Значит, командарм, поскольку корпуса у нас, сам знаешь, остались только кавалерийские, а это определенно не его уровень. Как бы наш Семен Михалыч ни упирался, век его любимой кавалерии остался в прошлом. – Иосиф Виссарионович усмехнулся собственной шутке. Тут же снова став абсолютно серьезным: – Потому есть такое мнение, что стоило бы, пока немного времени еще имеется, присмотреться к нашим командармам, особенно к тем, кто, по версии самого Кобрин, или погиб во время Вяземского сражения, или в немецкий плен попал.

– Полагаете, товарищ Сталин? – мгновенно напрягся народный комиссар.

– Предполагаю, – мягко поправил Вождь. – Сейчас поясню. Сам посуди, сначала Карбышев, затем Пядышев – один бы в немецком лагере погиб, другой... ну, тут понятно. А Кобрин их, так уж получается, от неминуемой смерти спас. И теперь они еще немало пользы принесут. Улавливаешь мою мысль?

– Так точно, улавливаю и понимаю. Вот только... он же не в них, хм, подсеялся?

– Понятно, что не в них, генералы все ж таки. А он тогда сначала комбатом был, затем дивизией командовал. Уровень, так сказать, не тот. Зато теперь – вполне тот. Генеральский уровень. Ну, понимаешь?

– Немедленно начну работу в этом направлении.

– Вот и хорошо. Кстати, Лаврентий, раз уж такое дело, ты и за собой смотри, а то, глядишь, и в тебя кого подсеяют... – добродушно ухмыльнулся Вождь.

Несмотря на то что сказанное было не более чем шуткой – и оба собеседника это прекрасно понимали, – Берия, скупно улыбнувшись, ответил достаточно серьезно:

– Ну, по моей линии фигурант вряд ли пойдет – он чистый армеец. А вот касаясь вас, товарищ Сталин, как Верховного Главнокомандующего, еще ничего не известно. Вот пройдет этот самый Кобрин командармскую практику, потом комфронта станет – а следующий уровень – это уже вы, так выходит.

– Гхм, не мели чушь, Лаврентий, – едва ли не впервые за долгие годы знакомства на миг стушевался Иосиф Виссарионович. – Это уже, пожалуй, слишком, да. Перебор. Не думаю.

– Простите, товарищ Сталин, я просто пошутил, – мгновенно покрывшись испариной, торопливо ответил наркомвнудел. – Виноват. Но и вы ведь тоже не всерьез?

– Конечно, не всерьез... – буркнул тот. – Ладно, посмеялись, и будет. А то договоримся до всяких... серьезных глупостей. Ты мне вот еще что скажи: предка его нашли?

– Нашли, товарищ Сталин, – испытыв нешуточное облегчение, что удалось уйти от опасной темы (и мысленно выругав себя за сказанное), кивнул народный комиссар, ничуть не удивившись, что и об этом Вождь тоже отлично помнит. – Как только выпишут, сразу доставят в Москву, буквально через день-два.

– Почему так долго искали?

– Обычная военная неразбериха. Госпиталь, куда его комбриг Сенин доставил, на следующее утро немцы разбомбили. Часть персонала и раненых погибла, вся документация, разумеется, тоже оказалась уничтожена. Но... – Берия на миг замялся, подбирая подходящее слово, – Кобрина-старшего успели еще ночью отправить через переправу. Поскольку он находился без сознания, в тыловом госпитале записали так, как в сопроводительном листе значилось – «Кубрин». Всего-то в одной букве ошиблись, но пока все выяснилось, время и прошло. Иначе Зыкин его бы еще в августе обнаружил, когда к Сенину ездил. Так совпало, что и комбриг, и разведчик в одном госпитале на лечении находились. Такое вот совпадение, товарищ Сталин...

– Чего только на войне не случается, – задумчиво пробормотал Иосиф Виссарионович. – Как с ним дальше поступить планируешь?

– Сложно сказать, он, пожалуй, единственный, кто к нашим делам вообще никакого отношения не имеет. Подлечим пока, побеседуем якобы в связи с некими особыми обстоятельствами, связанными с комбригом Сениным. Без подробностей, разумеется, незачем ему ни о чем знать. А там посмотрим. Может, в группу Зыкина определим, может, на спецкурсы управления особых отделов[2 - Управление особых отделов (УОО) – до 1943 года – орган военной контрразведки, предшественник легендарного СМЕРШа.] отправим, им такие кадры ох как нужны. Ну, или просто на фронт вернется.

– В группе Зыкина ему делать нечего! – отрезал Сталин. – Сам ведь сказал, что незачем в лишние подробности посвящать. Поэтому и усложнять ничего не станем. И в тылу держать тоже. Грамотные разведчики с боевым опытом фронту нужны как воздух. Пусть воюет, а мы немножечко присмотрим и поможем, да? Думаю, когда Кобрин-младшего отыщем, ему будет интересно узнать, где прадед служит, не зря ж он его найти пытался. Понятно?

– Так точно, товарищ Сталин! Сделаем.

– Все, Лаврентий, теперь иди.

Когда народный комиссар покинул кабинет, Сталин вызвал секретаря. Дождавшись, пока Поскребышев принесет стакан с чаем и блюдец с лимоном и уйдет, беззвучно прикрыв за собой дверь, сходил в комнату отдыха, вернувшись с бутылкой армянского коньяка. Влив в дегтярно-черный напиток пару чайных ложек алкоголя, унес емкость обратно, беззвучно ступая по коврам дорожкам мягкими кавказскими сапогами. Выдавлив в чай лимон, сделал пару глотков[3 - Именно так описывал в своих мемуарах маршал А.М. Василевский «чайную церемонию» Сталина, являвшегося большим любителем этого напитка.]. И только после этого раскрыл лежащую перед ним папку. Быстро, практически не глядя, перелистнув несколько страниц, нашел нужную. Вчитался в знакомый текст. Снова потянувшись к подстаканнику, задумчиво пробормотал:

– Значит, говорите, пятого марта? Двенадцать лет всего осталось? А затем Никитка придет и все изгадит? Ну, это мы еще поглядим, товарищи потомки, сколько кому осталось и кто кому на смену придет... но не сейчас, попозже. Сейчас вообще о другом думать нужно. Вязьма, да...

Глава 1

Земля, далекое будущее, за год до описываемых событий

Негромко зашипев герметизаторами, прозрачная крышка медицинского блока плавно поднялась, застопорившись в верхнем положении. Глаза Кобрин, пришедший в себя за несколько секунд до этого, предусмотрительно не раскрывал, помня прошлый раз, когда его выдернули обратно в аварийном режиме и свет до боли в затылке резанул по глазам. Сейчас он, правда, не был точно уверен, что возвращение именно экстренное, в конце концов, ему не угрожали ни немецкие бомбы, ни снаряды. А почему кураторы «Тренажера» не дождались ночи, выдернув прямо сейчас? Ну так мало ли почему... скоро узнает, собственно. Снова до тошноты кружилась голова, и отчаянно хотелось в туалет. Про шершавый, словно наждачная бумага, язык и отвратительный привкус во рту – какое там классическое «кошки нагадили»? Пережравшие накануне слоны дружно испражнились, никак не иначе! – и вспоминать не хотелось.

– Товарищ капитан, как вы себя чувствуете? – Голос показался знакомым, и Сергей решился открыть глаза. Зрение сфокусировалось на прикрытом прозрачной маской лице лаборанта, хоть головокружение от этого лишь усилилось.

«Ничего, сейчас полегчает, – отстраненно подумал Кобрин, ощутив, как по вене прокатилась волна приятного холода, управляемый компьютером медблок вводил необходимые препараты. – Плавали, знаем».

– Нор...мально. – Слова давались с трудом, подводило пересохшее горло. – Докладываю... где нахожусь, осознаю... все остальное тоже помню... и вас тоже помню, товарищ прапорщик Ветвицкая... глаза у вас красивые, как такие забыть...

– Гхм... прекрасно, – смутилась девушка. – Лежите спокойно, сейчас я сниму датчики системы контроля жизнедеятельности и...

– ...мнемопроектор, – подсказал уже практически пришедший в себя Кобрин. – Одного не пойму, отчего горло каждый раз настолько пересыхает?

– Воздух. – Легонько касаясь кожи, медичка избавляла его тело от техногенной паутины множества датчиков. Последним легонько кольнуло предплечье, девушка извлекла внутривенный катетер. – Внутри капсулы поддерживается особая атмосфера с повышенным содержанием кислорода, в которую подаются аэрозоли необходимых для жизнедеятельности препаратов. Некоторые из них могут вызывать сухость слизистых, хоть это и индивидуальное. Подобное нужно для оптимального функционирования вашего мозга и легких. Остальные подробности вас, как я полагаю, не интересуют.

– Еще как интересуют. Только, пожалуй, не сейчас. Как вы смотрите на то, чтобы как-нибудь вечером прочитать мне небольшую лекцию на эту тему? Просто страсть как науку люблю. Все три закона Ньютона в школе учил и правило буравчика, честно-пречестно! Еще помню температуру кипения воды в зависимости от парциального давления и...

Ветвицкая, не сдержавшись, звонко рассмеялась:

– Это вы меня на свидание, что ли, таким нетривиальным способом приглашаете?

– А допустим, что и приглашаю? Нет, если полный бред несу – так и скажите, с меня сейчас взятки гладки, как предки говорили. Пост-какой-нибудь-там синдром, вам, докторам, виднее. Мозги набекрень, если попросту.

– Какой из меня доктор, – мягко улыбнулась девушка, – всего лишь лаборант и эмэнэс. А с мозгами у вас все в полном порядке, уж поверьте. Но за предложение спасибо. Я подумаю, товарищ капитан. До завтра. Тоже честно-пречестно. Можете подниматься, только медленно.

– Договорились! Только, чур, чтобы без обмана.

– Не обману, не переживайте. Кстати, как все прошло? Надеюсь, не попали к рыцарям круглого стола? – припомнила она сказанную Сергеем перед отправлением шутку.

– Пронесло, – со всей возможной серьезностью ответил он, аккуратно принимая сидячее положение. Головокружение и тошнота потихоньку отступали, зато все сильнее хотелось в туалет. – Придется им пока по старинке воевать.

Перекинув ноги через край «ванны», Кобрин при помощи лаборантки неуклюже выбрался наружу. Что там дальше по плану? Туалет, душ, шкафчик с личными вещами? Угу, именно так – и именно в подобной последовательности. А затем, надо полагать, посещение комнаты оперативных совещаний или личного кабинета начальника академии. И еще неизвестно, что именно он там услышит, зачем-то же его вернули именно так, на глазах у всех командиров. Кстати, интересно, что мужики подумали? Что их командира внезапный удар хватил? Как там в то время говорили, «апоплексический»?

– Все в порядке? – убрав руку, осведомилась девушка.

– Так точно. Разрешите идти, товарищ самый главный медицинский начальник?

– Ступайте уже, товарищ капитан, – смущенно улыбнулась та. – До завтра...

* * *

Спустя полтора часа Кобрин подошел к знакомым дверям. Мысленно собравшись, провел индивидуальным браслетом по окошку приемного датчика. Индикатор, словно поразмыслив пару секунд – «пускать – не пускать», мигнул и загорелся зеленым светом, разрешая доступ.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – кинув ладонь к козырьку форменного кепи, доложил Сергей начальнику академии. – Слушатель Кобрин прибыл для...

– Вольно, капитан. – Генерал Роднин призывно махнул рукой. – Входи, присаживайся на свое законное место. Поговорить нам есть о чем.

– Слушаюсь. – Кобрин двинулся напрямик к знакомому креслу – тому самому, что меньше недели назад Иван Федорович назвал «его любимым». Значит, нечего и стесняться.

– Товарищ полковник нынче в командировке, так что разговор у нас будет с глазу на глаз, так сказать, – дождавшись, пока тот усядется, пробасил Роднин. – Начнем, пожалуй. Волнуешься? Хочешь узнать, отчего тебя столь резко вернули?

– Так точно, – не стал скрывать Сергей.

– Не переживай, все нормально. Это вовсе не экстренная эвакуация, как в прошлый раз. Просто НАМ было необходимо, чтобы полковник Лукьянин потерял память именно на глазах всего своего штаба – перенапрягся человек, бывает. Столько дней на нервах, почти без сна. Меньше вопросов возникнет, нежели в том случае, если б он нормально спать лег, а проснулся уже с непонятно откуда взявшейся амнезией. А так его сразу же в госпиталь отправили, где он в себя благополучно и пришел. Согласись, с точки зрения местных, достаточно подозрительно, когда подобное слишком часто начинает повторяться? Сначала Минаев, теперь Лукьянин. Да и не ты один в прошлом отметился, и другие были. Со схожими, так сказать, симптомами. Незачем нам пока излишнее внимание к себе привлекать.

«Или как раз таки с точностью до наоборот, – меланхолично подумал про себя Сергей. – И все сделано именно ради того, чтобы ПРИВЛЕЧЬ внимание того, кто ПОЙМЕТ, о чем речь. Хоть того же Зыкина, к примеру. Не зря ж Витка в его сне с самим Берией о чем-то разговаривал. Да и сон ли это был?»

Но вслух он, разумеется, ничего не сказал, при этом изо всех сил постаравшись не выдать себя ни единой гримасой.

– Так точно, понятно. Разрешите вопрос?

– Пока не разрешаю. Обожди немного, скоро все узнаешь. И не переживай – с заданием ты справился, а это главное.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант! – Сергей с превеликим трудом сдержал готовую появиться на лице улыбку. Значит, и в этот раз у него все получилось! И речь вовсе не о «Тренажере» – по крайней мере, лично для него дело уже давно не в «Тренажере» как таковом! – а о том, что история ТОЙ войны снова пошла по несколько иному сценарию. Будем надеяться, гораздо более оптимистичному. Ведь если блокады Ленинграда удалось избежать, это, это... просто прекрасно! Не будет тех самых восьмисот семидесяти двух страшных дней – не погибнет под постоянными артобстрелами и бомбежками, от голода, болезней и холода почти полтора миллиона невинных – детей, женщин, стариков. Не войдет в историю знаменитый метроном, своим ритмом сообщавший людям о начале и окончании воздушной тревоги. Не увидит свет дневник Тани Савичевой –

пожалуй, один из самых жутких обвинительных документов нацизма. Не появятся на одном только Пискаревском кладбище пятьсот тысяч новых, порой безымянных, могил. Не протянется по Ладожскому льду легендарная «Дорога жизни», единственная живая ниточка, соединяющая осажденный город с Большой землей...

Плюс ко всему – продолжают работу в обычном режиме военные заводы, Кировский и Ижорский, Обуховский и «Арсенал», Адмиралтейские верфи и многие другие. А это – новые танки и САУ, артиллерийские орудия и минометы, стрелковое оружие, подводные лодки и маломерные боевые корабли, разнообразные боеприпасы, в том числе и ракеты для знаменитых «катюш», военная форма и обувь – почти сотня наименований оборонной продукции; все то, в чем столь остро нуждается огромный фронт. Поэтому это и есть настоящая победа, возможно, даже более важная, чем недопущение котлов на западной границе или продлившаяся на месяц дольше оборона Смоленска!

Разумеется, полностью скрыть свои чувства Кобрину не удалось. Да он особенно и не старался, собственно. Тем более Иван Федорович прекрасно понимал, что происходит в его душе.

– Судя по твоему виду, ты осознал и проникся? – осведомился генерал-лейтенант, мягко улыбаясь. – А теперь успокойся. Ты все правильно сделал, так что молодец. Не без недочетов, конечно, но без этого в нашем деле вовсе не бывает. Настоящая война – не шахматная партия, все ходы противника наперед не просчитаешь, как ни старайся. Кстати, объясни-ка мне, почему решил не взрывать дамбу в Ивановском? Ведь логично было именно таким образом и поступить: после ее разрушения шоссе практически до самой реки превращается в болото.

– Отчасти именно поэтому и принял решение пока не взрывать, – четко ответил Сергей, ничуть не удивленный неожиданным вопросом. Но легкий акцент на «пока» все же сделал.

– Поясни.

– Уничтожение дамбы создало бы сложности не только для противника, но и для обороняющихся. Прежде всего, затопление дороги существенно снизило бы возможности танков подполковника Латышева. Понятно, что немцам с их узкими

гусеницами пришлось бы куда хуже, но «КВ» и «тридцатьчетверкам» по болоту кататься – тоже не подарок. Кроме того, в зону затопления попадала часть траншей, дзотов и противотанковых артпозиций линии обороны, которые пришлось бы покинуть. Да и не задержало бы это фрицев надолго, там местность такая, что вода достаточно быстро сойдет, максимум несколько суток. Им свою горелую и битую технику чуть ли не дольше с дороги растаскивать, особенно если периодически вести беспокоящий огонь – там ведь у наших практически до метра все пристреляно.

– Что ж, логично, – кивнул Роднин. – Все?

– Никак нет... – Кобрин на миг замялся, прежде чем продолжить. – Хотелось оставить моему начальнику штаба лишний козырь, о котором противник не знает. В случае возникновения сложностей взрыв дамбы сможет существенно помочь. Пусть, как я уже упоминал, и ненадолго.

– Молодец, – одобрил Иван Федорович. – Считаю принятое тобой решение полностью правильным. И, кстати, сейчас уже можно говорить в прошедшем времени: «не сможет помочь», а «помогло». С подробностями сам разберешься, когда разговор закончим, все данные в архиве теперь имеются. Наверняка ж голову ломал, может ли появиться в будущем информация о том, что еще не произошло в прошлом? Отвечаю: не может, Сережа.

– Значит, взорвали-таки? – не удержался Кобрин.

– Взорвали. Почти через двое суток после твоей, гм, эвакуации, когда Гёпнер помощь прислал. Это помогло удержать плацдарм. Ну, а после этого у немцев уже не осталось ни единого шанса взять поселок. Бои в «воротах Ленинграда» окончательно завершились к 17 августа, прорвать линию советской обороны на Луге гитлеровцам не удалось – да и нечем уже было прорывать, выдохлись. И под Ивановским, и под Большим Сабском.

– Молодцы, мужики, удержались... – пробормотал себе под нос Сергей.

– Ты молодец, майор, – усмехнулся начальник академии. – Это ты им шанс удержаться дал, грамотно оборону наладив и серьезных потерь избежав. Заодно и судьбу генерала Пядышева к лучшему изменил. Не арестовали его, наоборот, наградили, на прошлые грешки глаза закрыв.

Смысл услышанного дошел до Кобрина не сразу. Зато когда понял, что именно произнес Роднин, брови едва ли не против воли поползли вверх.

– Удивлен, товарищ академический слушатель? – добродушно хмыкнул генерал-лейтенант. – Зря, третий год обучения, как-никак. И третье успешно выполненное задание командования. Так что поздравляю с официальным присвоением очередного воинского звания и переводом на четвертый курс! Предпоследний, кстати!

– Служу Федерации! – автоматически отчеканил Сергей, вытянувшись по стойке смирно.

– Вольно, присаживайся. Ну, все, преамбула за сим завершилась, начинаем разбор полетов. Пряники ты, можно сказать, получил, теперь пора и кнутом помахать... И для начала объясни-ка мне, товарищ свежее испеченный майор, отчего ты, бывший комбриг-танкист, не использовал в полной мере возможности приданной танковой бригады?..

Земля, далекое будущее

Очередной год обучения прошел для майора Кобрина, пожалуй, даже быстрее, нежели любой из трех предыдущих. То ли втянулся, то ли учебный процесс уплотнился настолько, что просто не оставалось уже особого времени подсчитывать оставшиеся до переводного испытания дни и недели. А гоняли слушателей и на самом деле не на шутку. Теоретические занятия сменялась практикой на тактических и стратегических виртуальных тренажерах, и обычных, и с эффектом полного погружения. Работа с архивной информацией о давным-давно отгремевших боях прошлого чередовалась с аналитическими разборами ежедневных сводок с фронтов новой войны, пылающей в десятках и сотнях световых лет от прародины человечества. Войны, которая пока даже не собиралась прекращаться... но остановить которую должны были именно они, выпускники ВАСВ, Высшей академии Сухопутных войск Земной Федерации.

Уделялось должное внимание и физической подготовке, как индивидуальной, так и специальной. Ничего против Сергей не имел, как и остальные слушатели, все без исключения пришедшие в академию из боевых частей, каждое утро начиная с физзарядки и дважды в неделю посещая тренажерный зал. Занятия с инструкторами, спарринги с товарищами, стрельбы и марш-броски с полной

выкладкой, два-три раза в год – внезапные подъемы по боевой тревоге и выбросы в удаленные районы планеты, весьма напоминающие знакомые по прошлой жизни экзамены на выживание частей космодесанта. Да, собственно говоря, и проводимые, как сильно подозревал Кобрин, по стандартным схемам – армия же, к чему придумывать что-то новое, коль имеются прекрасно зарекомендовавшие себя за годы использования методики? Одним словом, «заплыть жирком» будущим полковникам Генерального штаба определенно не светило, равно как и оказаться в роли героя древнего анекдота про бегущего генерала[4 - Кобрин имеет в виду старый анекдот о том, что бегущий генерал в мирное время вызывает смех, а в военное – панику.]. Смеха никто из них, реши внезапно пробежаться, уж точно бы не вызвал. Любой четверокурсник был готов сдать самые строгие нормативы боевой и физической подготовки – руководство не собиралось повторять ошибок прошлого. Время страдающих избыточным весом штабистов в пошитых по индивидуальному заказу мундирах и застегнутых «на последнюю с края дырку» ремнях прошло.

Впрочем, возможно, время летело быстро и совсем по иной причине...

За свою не столь и долгую жизнь Сергей ухитрился избежать серьезных романов, обходясь краткосрочными увлечениями разной степени влюбленности, не обязывающими обоих ни к чему серьезному. Да и когда было, собственно, этим заниматься? Сначала пять лет общевоинского училища, а затем... затем была война. Словно в той древней книге, которую Кобрин прочитал, уже став слушателем академии. На фронт он попал буквально через три месяца после выпуска, приняв под командование сначала штурмовой взвод, а затем, получив капитана, и роту. Более-менее плотно пообщаться с противоположным полом удавалось исключительно урывками, когда родной 42-й мотопехотный отводили на отдых или переформирование на одну из удаленных от фронта тыловых планет. Понятно, что в подобном случае о каких бы то ни было возвышенных чувствах и серьезных отношениях и речи не шло. Да Сергей особенно и не усердствовал, поскольку вовсе не ставил цель в обязательном порядке поскорее обзавестись семьей. Какая уж там семья, когда война идет? Зачем? Чтобы молодая жена рано или поздно получила электронное уведомление с сухой фразой «пал смертью храбрых» или «пропал без вести», пониже украшенной логотипом Минобороны «шапки»? И в одиночку поднимала детей – если таковые имеются? Как будто он не знал, каковы цифры реальных потерь в боевых частях...

Но сейчас все оказалось совершенно по-другому. Возможно, так просто совпало. Или он изменился, став иначе относиться к жизни, но отношения с прапорщиком Ветвицкой все больше и больше входили в некую пока еще неведомую Кобрину фазу. В какой-то момент Сергей внезапно осознал, что уже не столь и молод, чтобы и дальше откладывать ЭТОТ вопрос на потом. И что сейчас, пожалуй, самое время для его решения. Окончательного и бесповоротного, как говорится. Поскольку вместе с опытом и положением где-то глубоко в душе зародились и первые робкие признаки моральной усталости, о которой Сергею уже приходилось слышать от старших товарищей. Раньше это воспринималось как нечто весьма далекое, практически нереальное. Вот только это самое «далекое» и «нереальное» внезапно оказалось куда как ближе, нежели представлялось еще совсем недавно... Если отбросить никому не нужные слова с прочими красотами и попытаться сформулировать проще, у уставшего от постоянной ответственности за жизни бойцов и исход боевого задания Кобрин появилось острое желание иметь надежный тыл не только в бою, но и в жизни. Искать спутницу на ночь уже не хотелось – просто не видел смысла, – зато пришел срок найти женщину на всю жизнь...

Ведь если не произойдет ничего непредвиденного, через два года он получит на погоны полковничьи звезды и отправится обратно на войну, которую уже не покинет до самого ее окончания, каким бы оно ни оказалось. И поэтому ему было просто до одури важно, чтобы кто-нибудь ждал его возвращения. Неважно откуда – с нового «Тренажера» или фронта – просто ждал. И нянчил его детей, вечерами рассказывая им наполовину выдуманные истории про героического папку, который обязательно когда-нибудь к ним вернется.

А может быть, так на него подействовала та, другая война, уже давно ставшая его личной, пропитавшая до мозга костей и растворившаяся в самой крови? Всего-то за три погружения в прошлое – сколько он там провел? И месяца в сумме не будет – он увидел столько боли и смерти, столько героизма и самопожертвования, что хватило бы, пожалуй, на несколько жизней. Но, как оно порой и бывает, это лишь подстегнуло его собственную жажду жизни.

Как бы то ни было, отношения с Машей – именно так звали приглянувшуюся Кобрину лаборантку – потихоньку набирали обороты, по мнению майора (которое он пока что держал глубоко при себе) уже давненько перейдя в самую что ни на есть финальную стадию. По крайней мере, окончательное решение Сергей принял еще в середине весны, во время одной из увольнительных посетив место, где раньше никогда не бывал, – ювелирный магазин в

ближайшем к академии мегаполисе. Девушка в эти выходные весьма кстати отправилась к родне, так что ему не пришлось ничего выдумывать. Теперь предстояло решить, когда и как признаться в своих чувствах, поскольку в подобных вопросах он ощущал себя абсолютнейшим профаном.

Но, как уже не раз бывало в жизни, помог случай...

* * *

– Сереж, ну что ты сегодня такой напряженный-то? Зажатый какой-то... – Грациозно перегнувшись через Кобрину, девушка дотянулась до стоящего на прикроватной тумбочке ночника, мазнув пальцем по сенсорной панели. Свет стал немного ярче, высветив погруженные в темноту углы комнаты и скомканное легкое покрывало на самом краю кровати. Склонилась над майором, проведя прохладной ладонью по его потному лбу. – Случилось что? Или просто волнуешься? Так еще пять дней впереди, даже задание пока не получил. Да и с чего тебе волноваться, не в первый ведь раз? Подумаешь, армией немного покомандовать! Все получится. И вообще, ты у меня большой молодец!

– Нашла молодца... – пробормотал Кобрин, просто чтобы не молчать. И едва ли не против воли скользнул взглядом по выдвижному ящику, внутри которого, затерявшись среди всяких не особенно нужных мелочей, покоилась заветная бархатная коробочка.

– Молодец, молодец, знаю, что говорю! – Маша усмехнулась, пристраиваясь рядом. Немного поерзав, устроилась поудобнее и положила голову на плечо, пахнущие шампунем русые волосы коснулись щеки, знакомо щекотнули кожу. Раньше Сергею хватало и куда меньшего, чтобы всерьез завестись, однако сегодня майор был слишком взволнован. Меньше недели до начала «Тренажера», а он все никак решиться не может, который день сам себя «завтраками» кормит... а еще боевой офицер, блин! Можно сказать, две войны за плечами! Обе, правда, пока незаконченные...

– Я, признаюсь, лазила в служебные файлы, было дело.

– Ты? – искренне поразился Кобрин, на миг позабыв о своих сомнениях. – А разве можешь?

– Могу, уровень доступа сотрудника научного отдела позволяет. В принципе, не положено, конечно, но, с другой стороны, прямого запрета тоже нет. Сам понимаешь, все ваши личные дела и медкарты и в нашем ведении тоже.

– Ну, и чего разузнала, Мата Хари? – повернув голову набок и слегка отстранившись, Сергей с любопытством взглянул на девушку. – Убедилась, что Кобрин Эс Вэ не скрывает от возлюбленной законную жену с кучей детишек на какой-нибудь далекой планете? Или тебя больше пси-карта и генетический файл интересовали? И что там записано? Надеюсь, я, часом, не склонный к садизму социально опасный маньяк, нуждающийся в изоляции от общества?

– Дурак... – Маша надула губки. Не всерьез, разумеется, ровно настолько, насколько ситуация соответствовала. – И шутки у тебя дурацкие. Стукнуть бы тебя как следует по башке, да жалко, ты ж в нее не только ешь, но еще и фуражку на ней носишь. Я вообще совсем другой файл просматривала. Принципиально другой, между прочим! Тот, который именно твоих тренировок касался. Вот потому и говорю, что ты у меня – большой молодчина! Таких дел в прошлом наворотил!

– Хм... – На этот раз Кобрин откровенно не нашелся, что и сказать. – Ну, посмотрела – и ладно.

– К тому же еще и скромный! – хихикнула она. – А скромность красит мужчину!

– Мужчину красят шрамы. А вот если особист придерется, будет тебе... ну, то есть нам обоим, что слушать. Впаяют неполное служебное, меня отстранят от тренировки, тебя выпихнут на гражданку – и амба...

– Обижаете вы меня, товарищ академический слушатель, и крайне недооцениваете. – Внезапно оттолкнувшись ладошками от его груди, девушка гибко извернулась. Оседлала Кобрину, нависнув над ним. Обрамленное водопадом свободно ниспадавших волос, причудливо подсвеченных мягким светом ночника, лицо казалось чужим, лишь знакомо сверкали огромные глазищи. – Не отстранят, я ж хитрая, запрос официально оформила, мы еще за пару недель до тренировки начинаем с вашими личниками работать. Ну, в смысле, с личными делами. Так что не переживай, никто ничего не узнает.

– Коварная ты женщина, товарищ прапорщик, – пробурчал майор, ощущая, как бывшее напряжение потихоньку отпускает, уступая место совсем другому, гм, чувству. Тем более что сильные бедра женщины все плотнее прижимались к его телу. Может, прямо сейчас все и сказать? Вот взять – и сказать! Да, именно так он и сделает. Только горло, зараза, отчего-то вдруг пересохло, будто несколько дней в медкапсуле пролежал. Вот же, блин, никогда б не подумал, что проще в атаку на немецкий пулемет подняться или под танк с гранатой броситься, чем ЭТО...

– Послушай, Маш... – Вышло хрипло и неуверенно, аж самому противно стало. Хорошо еще, откровенного «петуха» не выдал, вот тогда уж точно был бы всем позорам позор. Но отступать поздно, нужно продолжать, развивая, так сказать, успех, коль уж вырвался на оперативный простор. – Мне нужно тебе кое-что сказать...

На губы внезапно легла узкая ладошка, ставшая за этот год такой знакомой и родной:

– Сережа, погоди, пожалуйста. Если хочешь что-то важное сказать, но пока не готов, – лучше молчи, ладно? А то испортишь все.

Кобрин аккуратно отстранил девушку, тут же усевшуюся по-турецки на краю постели.

– Да готов я, давно уже готов! Просто, понимаешь... когда впервые, оно всегда... ну, сложно, что ли?

Маша молчала, с легкой улыбкой глядя на Сергея.

– Короче, я знаю, что нужно было как-то иначе, цветы там, шампанское... но это потом, хорошо? Когда оттуда вернусь. А пока – вот...

Протянув руку, Сергей дернул на себя ящик, нащупывая коробочку с кольцом. Хорошо, что на направляющих стояли ограничители, иначе бы, пожалуй, вывалил все содержимое на пол. По самому краешку сознания мелькнула мысль встать на колени, но Кобрин вовремя понял, что в данной ситуации и в подобном виде выглядеть подобное будет, мягко говоря, достаточно глупо.

И поэтому он просто протянул ей раскрытую бархатную коробочку.

– Короче, Маша, я тебя люблю! И прошу стать моей... – снова подвело горло, но только лишь на миг, – женой! Все. Сказал. Точка. Да или нет, третьего варианта решения не предполагается. С этим тоже точка.

Внезапно став серьезной, девушка протянула руку, погладив его по щеке:

– Ох, ну почему ж вы, мужики, такие глупые-то? Или ждете до последнего, или спешите.

– Это значит да? – напряженным голосом осведомился майор, хмурясь.

– Конечно, да, товарищ академический слушатель, – рассмеялась Маша, притянув его к себе. Почти минуту обоим было не до кольца и только что произнесенных слов.

– Тогда давай палец, – чуть запыхавшись, сообщил Сергей, быстро облизнув искусанные губы и нащупывая на смятой простыне коробочку, которую ухитрился выпустить из руки.

– Какое красивое... И размер, кстати, мой, так что угадал.

– Твой, – согласился Кобрин. – Хоть я, в отличие от некоторых, по чужим медкартам не лазал. Просто глазомер у меня профессионально поставлен. И линейкой пользоваться умею. А где ты свои украшения хранишь, я уже давно срисовал.

– Можно подумать... – Еще пару секунд девушка полюбовалась на обручалку, затем обвила шею любимого руками, прижавшись к нему изо всех сил. – Я тоже тебя очень-очень люблю, милый! Знаешь, Сереж, раз уж такое дело, то и я тоже должна тебе кое-что сказать. Тоже хотела после твоего возвращения, чтобы не волновался зря, но так, наверное, будет правильнее. Ты должен знать.

И чуть слышно dokonчила, щекоча ухо жарким дыханием:

– Сереж, я беременна, семь недель уже...

Интерлюдия

Лейтенант Федор Кобрин, сентябрь 1941 года

– Ну что ж, товарищ лейтенант, счастливо. Искренне желаю больше к нам не попадать! – Медик энергично потряс ладонь Кобрина. – И помните, хотя бы еще неделю, а лучше две, ногу всячески щадить. Всячески. Никаких запредельных нагрузок, никаких тренировок, кроме тех, что я показывал. Сами видели, какой сложный был перелом, – просто чудо, что выкарабкались без осложнений и кость нормально срослась. Да что там кость, запросто могли и вовсе ногу потерять! А насчет мышц не волнуйтесь, атрофированные волокна быстро восстановятся, еще и повоюете, и на собственной свадьбе спляшете.

– Спасибо за заботу, товарищ военврач третьего ранга, – смущенно улыбнулся разведчик. – Все ваши наставления помню, отнесусь со всей серьезностью. Просьба у меня к вам. – Федор протянул сложенный пополам конверт, не фронтовой треугольник, а самый обычный довоенный, с зеленым гербом, надписью «местное» и пятнадцатикопеечной маркой с красноармейцем на лицевой стороне. – Вы вот Леночке... то есть виноват, медсестре Алексеевой записочку передайте, душевно прошу. Тут письмецо ей да моя полевая почта. А адрес госпиталя я крепко запомнил, напишу, как только в часть прибуду. Хотел лично попрощаться, а оно вон как вышло, говорят, с утра на склад за медикаментами уехала.

– Передам, – без улыбки кивнул военврач. – Вы ей обязательно пишите, товарищ лейтенант, она к вам очень хорошо относится. Сами знаете, каково ей после того, как узнала, что мать с младшей сестрой под бомбежкой погибла. Удачи. Ступайте, госпитальная машина вас до станции подбросит, как раз на поезд успеете.

– Еще раз спасибо. – Слегка прихрамывая и опираясь на самодельную трость, Кобрин двинулся к урчащей работающим на холостом ходу мотором полуторке, в кузове которой расселись на баулах с каким-то госпитальным барахлом несколько выписанных красноармейцев, как и он, едущих на железнодорожную станцию. Вот и все, закончился надоевший до колик «санаторий», пора и снова

на фронт. Потренируется малехо, силы восстановит – и вперед. Разведчику завсегда работа найдется.

Окрикнули Федора, когда он, стянув с плеча тощий солдатский сидор с немудреными личными вещами, уже поставил здоровую ногу на заднее колесо, собираясь забраться в кузов. Устроившийся у самого борта боец протянул руку, готовясь помочь.

– Товарищ лейтенант? Погодите, пожалуйста.

Убрав ногу, разведчик удивленно оглянулся. От запыленной по самую крышу «эмки» к нему быстрым шагом, почти бегом, шел незнакомый командир со знаками различия младшего лейтенанта ГБ. Автоматически одернув гимнастерку и поправив фуражку, Федор бросил ладонь к козырьку:

– Слушаю, товарищ младший лейтенант государственной безопасности.

– Лейтенант Кобрин? Федор Андреевич?

– Так точно.

– Младший лейтенант Колосов, госбезопасность. – Федор скользнул взглядом по протянутому удостоверению, предъявленному, как и полагается, в развернутом виде.

– Слушаю вас, товарищ младший лейтенант.

Тот быстро взглянул на заинтересованно прислушивающихся красноармейцев:

– Давайте отойдем к моей машине. Разговор имеется. Не для посторонних.

– Мне в часть нужно, – нахмурился Федор. – Предписание на руках. Опоздаю на поезд – когда еще следующий будет? Сами знаете, что на дорогах творится.

– Успеете, в случае чего я вас до станции подброшу, так всяко быстрее выйдет. А и опоздаете – так сообщим в часть. Следуйте за мной.

Отметив это самое «в случае чего» и сказанное в приказном порядке «следуйте за мной», Кобрин помрачнел еще больше. Это что еще за дела такие? С другой стороны, не противиться же – как ни крути, приказ старшего по званию. Да и интересно, честно говоря, что от него госбезопасности вдруг понадобилось. Ладно, разберемся, мало ли, что им от него нужно? Может, снова про тот рейд в немецкий тыл под Смоленском поговорить хотят... хотя вряд ли, давненько дело было, фронт вон уж куда сдвинулся.

– Садитесь. – Подойдя к автомашине, контрразведчик распахнул перед ним заднюю дверцу.

Пожав плечами, Федор аккуратно уместился на сиденье. Поерзал, поудобнее пристраивая раненую ногу, уложил рядом вещмешок и тросточку с гильзой от крупнокалиберного пулемета вместо набалдашника. Колосов уселся рядом. Водитель с двумя сержантскими треугольниками на петлицах, не дожидаясь приказа, завел мотор и плавно тронул автомобиль с места, выруливая с госпитального двора.

Привычным жестом сбив на затылок фуражку и отерев взмокший лоб носовым платком, Колосов произнес:

– Уф, жарища, хоть и сентябрь на дворе. Пока до вашего госпиталя добрались, семь потов в этой коробке сошло, хоть открывай окна, хоть не открывай.

«Пытаешься наладить контакт? – мысленно хмыкнул Кобрин. – Мол, поговорим попросту – и все такое прочее? Знакомо. Нас примерно так же учили. Но вот зачем?»

– Гадаете, что у меня за дело? – словно прочитав его мысли, осведомился особист. – Не волнуйтесь, товарищ лейтенант, все в полном порядке. Ровным счетом ничего страшного не произошло, и уж тем более это никакой не арест.

– Да я, в общем-то, и не переживаю, товарищ младший лейтенант, – вполне искренне усмехнулся Федор. – С чего бы мне, собственно, переживать? Когда одной ногой на том свете побываешь, на многое, знаете ли, вовсе иначе смотреть начинаешь. А я побывал, можно так сказать. Так что абсолютно спокоен.

– Вот и прекрасно. А насчет остального? Не уполномочен разглашать, уж не обессудьте. Мое дело маленькое, доставить вас из точки А в точку Б, как в школьной задачке по арифметике говорилось. Помните?

– И где у нас точка Б, ежели не секрет? – не поддержав шутки, хмыкнул разведчик, поморщившись от боли в ноге, автомобиль резко качнуло из стороны в сторону, и он ощутимо ударился коленом о спинку переднего сиденья.

– Вася, поаккуратней, не дрова везешь, – тут же отреагировал Колосов, обратившись к водителю. – Мы никуда не опаздываем.

И продолжил как ни в чем не бывало:

– А точка Б, товарищ лейтенант, на аэродроме. Где нас с вами ждет самолет.

– Даже так? Самолет? – откровенно опешил Кобрин, на сей раз удивившись уже по-настоящему. – А самолет-то зачем? Нам?

– Так известно зачем – в Москву лететь. А уж там вам все и объяснят. Подробно и по пунктам.

Услышанное оказалось настолько неожиданным, что в первую минуту Федор даже не нашелся, что и сказать.

По-своему расценив его молчание, младший лейтенант добавил:

– Да не напрягайтесь вы, товарищ лейтенант, просто приказ у меня именно такой – забрать вас из госпиталя и в столицу доставить. Ну не имею я права никаких подробностей разглашать! Вот доберемся до Москвы, так начальник мой, товарищ Зыкин, сам все и объяснит. Тем более это его идея была – вас отыскать. Когда он за товарищем комбригом прилетал, просто не знал, что и вы тут же рядышком находитесь. То ли с документами какая-то путаница вышла, то ли еще что, но пока вас отыскиали – больше трех недель прошло.

– За подполковником Сениным? – переспросил Федор, припомнив августовские события, когда командира 202-й танковой бригады внезапно забрал неизвестно куда какой-то пришлый особист. Об этом все раненые пару дней в курилке

шепотом судачили с подачи его экипажа, проходившего лечение в этом же самом госпитале. Медицинское начальство подобные слухи опровергало, утверждая, что комбрига по состоянию здоровья просто перевели в специализированный госпиталь, но солдатский телеграф такая штука, что не обманешь, как ни старайся. Гм, любопытно, очень даже любопытно...

Поскольку его самого именно товарищ подполковник со своим экипажем от неминуемой смерти и спас, когда фрицы в том овражке захватили да в свой броневи́к без сознания запихнули, чтобы в плен везти. Отбил по дороге и доставил в полевой госпиталь. Сюда его уже после операции отправили, эвакуировав на ту сторону Днепра вместе с другими пациентами буквально за пару часов до того, как немецкие бомбы перемешали медсанбат с землей. Сам он ничего этого, понятное дело, не помнил, поскольку почти неделю в беспмятстве провалялся, уже здесь танкисты рассказали, которых нежданная встреча тоже изрядно удивила. Еще и фамилию перепутали, так что как оклемался немного, пришлось доказывать, что никакой он не Кубрин, а, вообще наоборот, Кобрин. С комбригом, правда, ни повидаться, ни поговорить так и не удалось – после тяжелой контузии к нему лишних людей не пускали. Ну, да не суть. Другое важно: выходит, что сначала товарища подполковника куда-то забрали, а теперь и за ним прибыли? И это каким-то образом между собой связано? Но почему, зачем? Ровным счетом ничего не понятно – экипаж товарища комбрига, вон, еще на прошлой неделе выписали и на фронт положенным порядком отправили, а его вот сегодня должны были...

– Ну, да, за ним... – Похоже, контрразведчик уже понял, что сболтнул лишнего. – Все, товарищ лейтенант, я уже достаточно рассказал. Более чем достаточно.

И, насупившись, уткнулся в раскрытую планшетку, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Ну, окончен – и окончен, ему-то что? Не для того в Москву везут, чтобы и дальше в молчанку играть. Прилетят – на месте все и объяснят, как обещано. Да и на самолете интересно прокатиться – до сего момента он крылатые машины только изда́лека видал, что наши, что вражеские. Последние, правда, особого желания познакомиться поближе как-то не вызывали, поскольку уже успел насмотреться на результаты бомбардировок. А тут эдакая возможность! Это если еще про саму столицу не упоминать, где Федор и вообще не надеялся когда-либо побывать: где он и где Москва?..

Глава 2

Земля, далекое будущее

Кобрин поерзал на выстилавшем капсулу эргономичном матрасе, на котором ему предстояло провести энное количество – в зависимости от того, как пойдет выполнение нового задания – дней. Кожу в очередной раз обритой налысо головы легонько щекотал плотно прилегающий «чепчик» мнемопроектора; грудь стягивала упругая полоса с многочисленными датчиками системы жизнеобеспечения, контролирующими работу сердца, дыхание, периферические нервные рефлексы, потоотделение – и еще десяток разных показателей, о большинстве которых Кобрин и понятия не имел.

Все было знакомо и привычно, как уже бывало не раз. За исключением только одного, пожалуй: сегодня в прошлое его провожал не очередной безликий лаборант, чье лицо скрывала маска стерильного медкостюма, а любимая женщина, совсем недавно ставшая полноправной невестой...

– Удобно? – Проверив показания планшета, Ветвицкая отложила прибор и склонилась над Сергеем, упершись ладонями о край «ванны». Уже находящийся под действием введенных в кровь препаратов, упрощавших процедуру погружения (а заодно понижающих уровень тревоги), майор, тем не менее, нашел в себе силы улыбнуться:

– Нормально, Маш, не впервой. Плавали, знаем. Пока. Береги нашего парня.

– С чего бы это вдруг парня? – делано возмутилась та, скрывая волнение. – Будто сам не знаешь, что ничего еще точно не известно, срок слишком мал. Так что вполне возможно, будет девочка!

– Парень будет, нутром чую, – безапелляционно сообщил Кобрин, как ему казалось, твердым голосом. На самом деле сознание уже туманилось, и говорить с каждой минутой становилось все сложнее. Равно как и складывать слова в осмысленные фразы.

– Наследник... Кстати... мне стрижка идет? По-моему... ничего, а? Правда... голове холодно... и вообще... снова чувствую себя... салагой в учебке.

– Конечно, – грустно согласилась девушка со всем сразу, с нежностью глядя на Кобрину. И чуть слышно добавила: – Возвращайся с победой, Сережа, мы оба тебя очень ждем.

Выпрямившись, решительно коснулась пальцами сенсорной панели, отдавая компьютеру необходимую команду. Прозрачная крышка плавно пошла вниз. На миг, когда внутри медблока устанавливалась собственная атмосфера и давление, неприятно заложило уши, затем знакомо пахнуло какой-то медицинской химией и озоном. Но Сергей этого уже не заметил, стремительно проваливаясь в привычное ничто темпорального переноса, где не было ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства, ни жизни, ни смерти...

Тремя днями ранее

– Присаживайся. – Роднин разрешающе махнул рукой. На сей раз Сергей колебаться не стал, просто прошел к «своему» месту, заняв знакомое кресло. Краем сознания отметил приметное пятнышко на мягком подлокотнике: кресло и на самом деле было то самое, без обмана. Собственно, нечему и удивляться: говорил же уже – армия и флот свои традиции чтят свято. Кстати, а вот интересно, если б кресло вдруг сломалось – что бы товарищ Роднин делал? Новое заказал или старое отремонтировать приказал? Чтобы традицию соблюсти? – Давай сразу к делу. Или имеешь какие-то вопросы, просьбы, предложения?

– Никак нет, товарищ генерал-лейтенант, не имею.

– Вот и ладненько. Не удивляйся, положено мне у тебя спросить. Вдруг передумал участвовать? – Иван Федорович, не скрываясь, ухмыльнулся, показывая свое отношение к сказанному. А Кобрин мельком подумал, что начальство все реже и реже использует термины «тренажер» или «тренировка». Любопытно, это что-то значит? Дают понять, что не все столь просто, как представлялось три года назад? Или просто совпадение? – Про переводные экзамены не спрашиваю, знаю, что все сдал на отлично. Держишь марку, а? Или, как там наши славные предки говорили, «фасон»?

– Стараюсь. Это в Одессе так говорили, насколько помню, товарищ генерал-лейтенант.

– Без чинов, Сергей, – мотнул головой Роднин. – Может, и в Одессе, тебе виднее. Ты в истории куда больше меня разбираешься. Но Одесса подождет, там пока все не настолько критично. Крым мы уже практически наверняка не сдадим, так что продержится. Ну, так что, догадываешься, куда в этот раз отправиться придется?

– Разумеется, Иван Федорович. Под Москву, конечно, куда ж еще. Вяземский котел, а? Угадал?

– Котел? – удивленно вскинул брови начальник академии. – Ну, если СНОВА случится котел, то я тебе, Сережа, не завидую. И очень сильно разочаруюсь в твоих профессиональных качествах. Какой же ты тогда командующий армией, коль позволишь свои войска в котел запереть? В целом понятно?

– Так точно, – улыбнулся Кобрин. – Я так и думал. Сделаю все возможное!

– Вот и молодец, товарищ слушатель. Конечно, сделаешь, причем и возможное, и невозможное. Красивостей говорить не буду, сам знаешь, не мастак. Да и что тебе после Ленинграда объяснять? Задание серьезное, так что не стоит думать, будто предки и без нас справились. Справиться-то справились, да вот какой ценой, помнишь? Сколько людей положили, знаешь? И чем все это аукнулось?

Кобрин знал. И помнил.

Вяземский котел, наряду с летними поражениями, стал поистине крупнейшей катастрофой Красной армии осени сорок первого, иногда называемой послевоенными историками «черным октябрем». Меньше чем за полторы недели в окружение попали четыре армии, а суммарные безвозвратные потери составили до девятисот с лишним тысяч бойцов, из которых только в плен попало более полумиллиона, в том числе и три командарма – генерал-майор Вишневский и генерал-лейтенанты Ершаков и Лукин. Еще один командующий армией, генерал-майор Ракутин, погиб при выходе из окружения. Было потеряно более тысячи танков и в пять раз больше артиллерийских систем; потери же автотранспорта в статистику и вовсе не входили. В результате операции «Тайфун» силам группы армий «Центр» удалось прорвать советскую оборону на

всю глубину, открыв дорогу к Москве, и в кратчайшие сроки дойти до Можайской линии обороны. Чтобы спасти ставшую катастрофической ситуацию, Ставке пришлось срочно восстанавливать фронт, ради выигрыша во времени бросая под фашистские танки дивизии народного ополчения и не закончивших обучение курсантов военных училищ.

Правда, имелась и оговорка: так было в том, прошлом варианте истории...

– Так точно, помню и знаю.

– Хорошо, Сережа. Как и год назад, у тебя достаточно времени на ознакомление с реальной обстановкой на фронте, доступ открыт в полном объеме. Работай. Только имей в виду – да, ход истории достаточно серьезно изменился, в том числе и с вашей помощью. Но к столице немец, как бы то ни было, по-прежнему прет из всех сил. «Тайфун» никто ни отменять, ни притормаживать не собирается. Скорее, наоборот, из всех сил форсировать, поскольку сроки не просто поджимают, а горят ярким пламенем. И то, что на Северном фронте фрица всерьез осадили, ситуации существенно не меняет, увы. Да, по сравнению с нашей реальностью сейчас немец всерьез запаздывает, на некоторых участках фронта больше чем на месяц, но сил у него пока более чем достаточно. Разве что Гёпнер со своей танкогруппой в грядущем наступлении если и поучаствует, то исключительно на вторых ролях – не до того ему сейчас, недавние раны зализывает. Но особо на это не надейся, потому и не расслабляйся. Одно радует – и время, и особенно погода на нашей стороне, сам знаешь, каким был конец осени и зима сорок первого. Вот только и тебе тоже сложновато воевать будет, учитывай это. Вопросы есть?

– Никак нет, Иван Федорович.

– Свободен, работай с информацией. Три дня – не столь уж и много.

– Разрешите идти? – Кобрин подхватил со столешницы форменное кепи.

– Погоди, Сережа. – Роднин внезапно поднялся на ноги и обошел стол, остановившись в полуметре от вытянувшегося по стойке смирно офицера.

– От имени руководства академии и от себя лично, разумеется, поздравляю со скорой женитьбой! Все правильно, майор, офицер Генштаба не должен бобылем

ходить. Да и для подчиненных плохой пример – что за командир такой, коль собственную жизнь устроить не может? Так что рад за тебя... в смысле, за вас! И выбор удачный, честное слово. Одним словом, держи ордер, активировать можно хоть сегодня.

Кобрин с искренним удивлением взглянул на протянутый пластиковый прямоугольник.

– Держи, держи, не вечно ж вам по кубрикам мыкаться, то она у тебя в гостях, то наоборот. Пора, так сказать, семейное гнездо обустраивать. Квартира пока служебная, разумеется, после выпуска получите собственное жилье. Удивлен?

– Так точно, удивлен... спасибо!

– Не за что. Иди, готовься. Времени мало, а работы, как водится, полно. Вот теперь точно все, свободен, товарищ майор...

* * *

Итак, Вяземская оборонительная операция, проводимая силами Западного и Резервного фронтов, менее чем за две недели ставшая для РККА одним из самых страшных разгромов Великой Отечественной войны. Чередой стремительных ударов группе армий «Центр» удалось совершить, казалось, невозможное: полностью обрушить фронт, перемолов большую часть советских войск, и выйти на близкие подступы к Москве. К середине октября – а немецкое наступление началось второго числа – перед столицей почти не осталось боеспособных частей. Сложно сказать, можно ли найти конкретного виновного в произошедшей катастрофе – скорее всего, нет. По большому счету, осенью сорок первого гитлеровцы переиграли советский Генштаб, который сосредоточил главные силы в центре, ожидая основного удара в направлении Смоленск – Ярцево – Вязьма. Именно здесь был создан мощнейший оборонительный рубеж, подпертый с тыла загодя подготовленными запасными позициями. Нанеся фашисты удар в этом направлении, они вряд ли сумели бы проломить советскую оборону. К сожалению, остальные направления были прикрыты значительно хуже – на то, чтобы и там создать такую же мощную оборону, просто не хватало резервов.

Разумеется, основные удары гитлеровцы нанесли вовсе не в этом направлении...

Нет, в нашем Генеральном штабе тоже сидели отнюдь не новички – причина, скорее всего, была в ином. Просто в полной мере проявился профессионализм поднааторевших в стратегическом планировании немецких штабистов и великолепная выучка и маневренность гитлеровских войск. Но Генштаб РККА ошибся не только в направлении главного удара, словно позабыв уроки летних сражений, однозначно указывающих, что противник предпочитает бить по флангам сходящимися ударами. Другим глобальным просчетом оказалось то, что среди высшего командования бытовало мнение об ударе всего одной танковой группой, пусть даже и весьма мощной и насыщенной бронетехникой. Тот факт, что немцы атаковали сразу ТРЕМЯ, оказался весьма неприятным сюрпризом, приведшим в итоге к поистине колоссальной катастрофе.

Вторая танковая группа (впрочем, к этому времени уже переименованная в танковую армию) Гудериана ударила по порядкам 13-й армии, третья ТГ Гота – в стык 30-й и 19-й армий, а Гёпнер со своей «Panzergruppe. 4» атаковал 24-ю и 43-ю армии. Каким образом наша разведка ухитрилась не заметить столь крупную перегруппировку войск, Кобрин точно не знал (в архивах МО соответствующих данных отчего-то не обнаружилось, несмотря на полный доступ ко всем без исключения файлам), но факт оставался фактом. Фрицам удалось практически не замеченными развернуть с южного направления танки Гудериана и перебазировать группу Гёпнера из-под Ленинграда. Таким образом, к началу октября 1941 года вермахт обладал для наступления на Москву более чем серьезной силой, сконцентрированной для нескольких проводимых одновременно мощных ударов.

Были и другие ошибки нашего командования – например, не слишком удачное расположение линий обороны фронтов и категорический запрет на отступление, помешавший своевременному выводу армий центра при угрозе попадания в «котел», снятый только пятого октября и дошедший до войск лишь через сутки, когда кольцо окружения уже замкнулось. Как и в июне-июле, приказы порой доходили до адресатов слишком поздно или не доходили вовсе, что лишь добавляло неразберихи. Разумеется, имелись проблемы с логистикой (правда, у немцев с этим было немногим лучше) и с авиаподдержкой. Хотя суммарное число задействованных в сражениях боевых самолетов оказалось практически равным с обеих сторон – 1348 советских (BBC трех фронтов плюс приданные им дальние бомбардировщики и истребители московской ПВО) против 1320 самолетов второго Luftflotte генерал-фельдмаршала Кессельринга.

И все же огромное количество окруженных в районе Вязьмы войск, большинство из которых оставалось вполне боеспособным, существенно задержало набравший обороты смертоносный катокдвигающегося к столице «Тайфуна». Поэтому Вяземская операция в определенной мере свою задачу выполнила, пусть и чудовищной ценой – темп наступления был окончательно сорван. Постоянные попытки прорыва из окружения распыляли немецкие силы, заставляя маневрировать войсками, выбивали живую силу и технику и выигрывали поистине драгоценное время для укрепления Можайской линии обороны. Но и этот рубеж тоже оказался не последним. Он продержался до 25 октября, а тем временем шла переброска под Москву свежих дивизий с Дальнего Востока, к этому времени стало окончательно ясно, что Япония не собирается атаковать СССР как минимум до взятия гитлеровцами Москвы. Следом было еще ноябрьское наступление немцев в направлении на Клин и Тулу. И последней отчаянной попыткой переломить ситуацию – удар в первых числах декабря в районе Апрелевки и Дмитрова.

Пятого декабря началось советское контрнаступление, подкрепленное десятью «сибирскими» дивизиями Дальневосточного фронта. Спустя трое суток, осознав, наконец, что захватить Москву в ближайшее время уже не удастся никакими силами, Гитлер подписал знаменитую «Директиву № 39» о переходе к обороне на всем протяжении фронта. В первой половине января нового, 1942 года, после месячной оперативной паузы, советские войска начали полноценное наступление, к марту отбросив противника от столицы на две сотни километров и нанеся ему весьма существенные потери. Удалось полностью освободить три области – Московскую, Тульскую и Рязанскую и отдельные районы Калининской, Орловской и Смоленской. Но срезать Ржевско-Вяземский плацдарм, равно как и полностью разгромить силы ГА «Центр», сил не хватило. Впереди была весенне-летняя кампания, чреватая для обеих сторон как новыми победами, так и поражениями. Но уже приближался, пусть пока еще и достаточно медленно, Сталинград, а значит – коренной перелом в величайшей войне...

Так было в той, прошлой истории. Которая сейчас, как догадывался Сергей, уже претерпела весьма существенные изменения.

До хруста в суставах потянувшись, Кобрин откинулся в кресле. Что ж, с тем, как обстояло дело в реальности, он ознакомился – да, собственно говоря, мог бы особенно и не напрягаться, и без того все прекрасно помнил. Уж историю-то они учили в прямом смысле назубок, ночью разбуди – отбарабанит по памяти даты, номера частей, что наших, что вражеских, и имена-фамилии их командиров.

Пора выяснить, как все это ТЕПЕРЬ выглядит.

Утопив в гнездо приемника очередную полученную от Роднина «сливу» информационного кристалла, как и в прошлый раз, помеченную зеленой полосой «для служебного пользования», ввел пароль и развернул голоэкранный, уже привычно выбрав тестовый вариант подачи информации. В первую очередь обратил внимание на даты. 10 октября, ага. Иными словами, события в этом варианте истории снова «отстают» хоть и не на месяц, как в прошлый раз, а всего лишь на неделю – в реальности сражение в районе Вязьмы началось второго числа. Ну, это вполне ожидаемо, так что нечему и удивляться – куда хуже было бы, случись как раз таки наоборот. Впрочем, не суть важно. А вот отчего «отставание» сократилось – стоит выяснить, и поскорее. Хотя определенные мысли насчет этого имеются...

Коснувшись сенсорной области, раскрыл раздел, озаглавленный «силы сторон и диспозиция на 10.10.1941». Вчитался и, не сдержавшись, присвистнул, благо услышать его все равно никто не мог. Ага, вот оно как, оказывается! Интересненько. Очень даже любопытно, очень.

Сверившись с картой – как водится, подробнейшей, разумеется, – ненадолго задумался, переваривая информацию. Ну что ж, вполне предсказуемый, хоть и несколько неожиданный вариант развития событий. «Быстроногому Гейнцу» все-таки удалось склонить фюрера не разворачивать часть войск на Киев, а продолжить наступление на Москву. Впрочем, справедливости ради стоит признать, что причина этого, вполне возможно, не столько в убедительности доводов Гудериана, сколько в серьезно изменившейся стратегической обстановке. Равно как и в том, что в некоторых ситуациях проще было принять его предложение, чем продолжать бесконечные споры – командующий 2-й танковой армией, при всем своем несомненном военном таланте, отличался крайне отвратительным и склочным характером, из-за чего его терпеть не могло большинство остальных генералов вермахта. Настолько, что аж на дуэль хотели вызывать[5 - К примеру, фельдмаршала фон Клюге Гудериан настолько достал своим поведением, что тот потребовал у Гитлера разрешить ему дуэль. А в конце войны не выдержал уже и сам Гитлер, отправив Гейнца, к тому времени возглавлявшего Генштаб, в отпуск для «приведения в порядок нервов» – и это в те дни, когда крах Германии был неизбежен!].

Прекрасно осознававшее, что осенняя распутица и зимние морозы все ближе, Oberkommando просто вынуждено было сокращать «отставание от плана»,

трещавшего по всем швам, а по сути, уже добрых полтора месяца вовсе не существовавшего блицкрига за счет отказа от ряда прежних действий. Так что Гудериану, вероятно, и не пришлось особенно упорствовать, скорее всего, данное решение и без него оказалось бы принятым. С середины октября по ноябрь был самый пик распутицы, дожди начались еще в конце первой недели месяца, даром же в реальной истории с конца октября на фронте произошла оперативная пауза, продлившаяся до 15 ноября, поскольку дороги развезло до полной непроходимости. Для обеих сторон.

Так что либо начинать наступление не позже середины октября, либо не начинать вовсе, что для немцев смерти подобно, поскольку воевать зимой фриц крайне не любит. Мы, конечно, тоже от подобной перспективы не в восторге, но, если нужно, будем спокойно воевать без оглядки на столбик термометра, какую бы цифру ниже нуля он там ни показывал. Что, собственно говоря, неоднократно с успехом и доказывали... Тающий с каждым днем моторесурс, опять же лишние недели боев пожирали его с пугающей быстротой. Тем более генерал-полковник Гёпнер со своей «Panzergruppe. 4» из текущих планов ОКВ выбыл. Эриху просто нечего перебрасывать в полосу наступления ГА «Центр», уж больно плотно он завяз под Ленинградом. Тут бы собственные потери поскорее восполнить, какая уж там подмога!

Дочитав до этого момента, Сергей ухмыльнулся: а ведь не без его участия подобная ситуация-то возникла, ох не без его! Как говорится, мелочь, а приятно. Хотя, по здравом размышлении, отчего же, собственно, мелочь? Вовсе даже никакая не мелочь, угу...

Ладно, поехали дальше. Итак, в ТОЙ реальности Вяземский котел организовали, по сути, Гот и Гёпнер. Гудериан же наступал от Шостки в направлении Севск – Орел и далее к Туле. Сейчас ситуация, хоть и изменилась, в целом напоминает прошлое, разве что подразделения Гудериана ныне располагаются в районе Рославля, поменявшись местами с четвертой танковой группой. Точнее, не поменявшись, а именно заняв ее позиции и полосу наступления. Упрощенно говоря, в ЭТОЙ истории вместо поворота на юг гитлеровцам предстоит операция по окружению и разгрому Западного фронта. А вот Резервного фронта в привычном виде пока что просто не существует, поскольку вследствие затянувшейся (в нашу пользу) обороны Смоленска на этом направлении не проводилось и ряда наступательных операций. Вместо него имеются отдельные армии резерва (номера которых частично не совпадают с реальной историей), пока что дислоцированные там, где им и полагается, – позади порядков

действующих войск, то бишь в тылу. В результате ситуация под Киевом однозначно лучше, чем была, да и катастрофы под Брянском, очень на то похоже, не намечается.

А что у нас с командованием? А с командованием у нас вот что: Западным фронтом руководит – как и в реальности – генерал-полковник Конев, Брянским – Еременко, тоже генерал-полковник. Так что тут без изменений. Зато самый усатый советский маршал, «братишка наш Буденный», пока что не у дел – поскольку Резервного фронта, который он и должен был возглавить, просто нет: смотри выше, как говорится. Что ж, вполне логично. Что еще? Ага, авиация. Ну, тут практически все осталось, как и в прошлый раз: герр Кессельринг против сводных сил фронтовой авиации, дальних бомбардировщиков и частей столичной ПВО. Возможно, по общей численности соотношение даже несколько сместилось в немецкую сторону, но не особенно и критично. Кроме того, имеется ссылка на некие САпОР – «смешанные авиаполки особого резерва ВГК», ни о чем подобном Сергей раньше не слышал. Истребительные авиационные полки особого назначения – к примеру, 401-й, в 1941-м прикрывавший московское небо и сопровождавший самолеты членов ставки ВГК, – это да, было. Но вот это, похоже, личная инициатива Сталина, который уже наверняка получил и принял к сведению хоть какую-то информацию «из будущего», просто не мог не получить. То ли от Зыкина, то ли еще от кого, в конце концов, не один Кобрин в прошлом повоевать успел, и не по одному разу, между прочим. А Иосиф Виссарионович – отнюдь не тот человек, чтобы оставить без внимания ТАКИЕ сведения, пусть даже наверняка и не доверяет до конца весьма сомнительным, с его точки зрения, информаторам, а то бы сам Кобрин доверял, окажись на его месте! Но и не отреагировать просто не может, уж больно все серьезно...

Кстати, насчет этих самых информаторов, запустив внутренний текстовый поиск, Кобрин убедился, что сотрудник госбезопасности Виктор Зыкин нигде не упоминается. Ладно, когда закончит с основным массивом данных, можно будет снова пробить его судьбу по архиву Минобороны... хотя вовсе не факт, что информация – как и в прошлый раз – снова не окажется для него закрыта. Хотя... это к сведениям о загадочной «группе «А» ему доступа не было, а про самого Витьку, к 1944-му дослужившемуся до майора ГБ, информация в базе данных имела, пусть и краткая. Собственно, почему именно «дослужившемуся»? Зыкин ведь уже получил лейтенанта госбезопасности, что соответствует армейскому капитану, так что майор является просто следующим очередным званием.

С другой стороны, командарм – это, как ни крути, уровень, так что можно будет попытаться разузнать о судьбе боевого товарища уже там, в прошлом. Не из архивов, а по своим каналам, хоть через тот же особый отдел, мало ли, с какой целью командующий армией интересуется неким особистом в не особо-то и высоком звании? Может, служили вместе или еще чего. А и начнут копать, он, скорее всего, уже обратно в свое время вернется – пока маховик раскрутится, по-любому не один день пройдет. Если, конечно, время у него будет. Поскольку пока абсолютно непонятно, что его ждет непосредственно после переноса сознания. Нет, вряд ли ассоциация с реципиентом произойдет в некий критический момент, например, во время немецкого артонала или буквально за полчаса до начала боевых действий, но все же расслабляться не стоит. Осенью 1941-го порой и командующие армиями в бою погибали или в плену оказывались, так что зарекаться уж точно не нужно...

Да и не в этом дело – а с чего он, собственно-то говоря, вообще решил, что подробные сведения о боевом товарище должны находиться в архиве Министерства обороны?! Витька ведь к госбезопасности относился, значит, и подробная инфа о нем должна храниться в архивах НКВД-МГБ-КГБ-ФСБ! Доступ куда Кобрин получить, скорее всего, тоже может, но исключительно через запрос к командованию академии, несмотря на все прошедшие годы и снятие грифов секретности. Смежники – они такие, всегда предпочитали свои секреты отдельно хранить. Вот только нужно ли? Настолько ли оно принципиально, чтобы генерал-лейтенанта о помощи просить? Сам ведь только что решил, что уровень командующего армией многое узнать позволяет. Пусть не о загадочной «группе «А», конечно, так хотя бы просто о самом Зыкине?

Тьфу ты, вот он дурень, растекся мыслью по древу, а так ведь и не узнал, в КОГО он, собственно, попадет на этот раз!

Свернув, не закрывая, файл и карту, Сергей раскрыл новый раздел и вдумчиво вчитался. Понятно. Ну что ж, более чем достойный командир, он сочтет за честь повоевать вместе с ним. Ага, именно так: «вместе». Говорить, даже про себя, «вместо него» Сергей с некоторых пор считал... ну, не этичным, что ли? Потому вот именно что «вместе». А то, что реципиент погиб, прорываясь из окружения, пожалуй, даже и лучше: теперь у Кобрина появляется серьезный шанс подарить человеку новую жизнь и новые возможности еще не раз оказаться полезным Родине...

Район Вязьмы, 10 октября 1941 года

Такого выхода из слияния с разумом реципиента у Кобрин еще не было. Едва успев ощутить себя командующим 24-й армией генерал-майором Константином Ивановичем Ракутиным, Сергей оказался сброшен с кровати могучим пинком ударной волны. Судя по всему, авиабомба рванула метрах в двадцати от избы, где он расположился на ночлег: стена спрессованного воздуха вышибла окна вместе с рамами и прокатилась по комнате. На спину – повезло, что реципиент спал не раздеваясь, командирская гимнастерка плотной ткани и исподняя рубаха защитили кожу – сыпанули осколки стекла, в паре метров грохнулся опрокинутый буфет, в глубине которого тоже что-то со звоном разбилось. Комната быстро заполнилась удушливым дымом.

С похвальной быстротой осознав, кто он и где находится, Кобрин перекатился под попавшую под удар стену – чисто автоматически, на одних рефлексах, хрен пойми чьих, то ли его собственных, то ли Константина Ивановича. Скорее, все-таки его: Ракутин, хоть и участвовал в Гражданской и Финской войнах, вряд ли попадал под внезапную бомбежку. Под локтями и коленями неприятно хрустело битое стекло, несколько раз кожу дернуло короткой болью, порезался все-таки. А вот любопытно, это командованием специально так задумано или некая накладка вышла? Наверняка второе: в прошлые разы ничего подобного не наблюдалось. Да и какой смысл? Роднин ведь, помнится, говорил, что больше никто не собирается испытывать слушателей в экстремальных условиях. Значит, именно что накладка. Можно даже предположить, чем она вызвана: историческая последовательность начала меняться, возможно, даже лавинообразно. Вот он и попал под одну из таких «лавин», которые не смогли заранее предсказать многомудрые сотрудники академической спецлаборатории. По их данным, здесь сейчас вполне обычное раннее утро десятого октября, а на самом деле – именно в эти минуты немецкие пикировщики решили отработать по заранее разведанным целям. История могла измениться буквально на каких-то полчаса, но и этого хватило, чтобы командарм со своим штабом попал под налет. Хотя и вряд ли, конечно, ничего эти самые полчаса не могут изменить. Скорее всего, в той, прошлой, реальности этой бомбардировки вовсе не было. Даже наверняка.

Почему именно пикировщики? Да оттого, что он уже ни с чем и никогда не перепутает звук, сопровождающий атаку «Ю-87», вот отчего! Поскольку сталкивался, причем не раз и не два. Причем в каждом своем погружении в прошлое сталкивался, вот ведь как выходит – уж больно любят фрицы этот свой «точечный инструмент». И когда комбатом был, и когда комбригом, да и в бытность командиром дивизии тоже, пусть и издалека наблюдал. Судьба, блин...

Опять рвануло, теперь несколько дальше. Изба, тем не менее, вздрогнула до самого основания, с щелястого потолка посыпался какой-то то ли мусор, то ли труха. Жалобно звякнули, осыпаясь на пол, остатки стекол в перекошенных оконных рамах, в соседней комнате что-то гулко упало. Откуда-то с улицы раздалось знакомое звонкое «пах-пах-пах» тридцатисемимиллиметровых скорострельных автоматов и заполошная пулеметная трескотня, с небольшим запозданием вступили в бой зенитчики, отгоняя непрошенных гостей. Сориентировавшись, Кобрин перекатился в сторону, рискнув подняться на ноги. Ощутимо потянуло сырым уличным холодом и дымом – не знакомой тухлой вонью сгоревшей взрывчатки, а вполне нормальным дымом горящей древесины. Видимо, во дворе что-то загорелось.

И тут же столкнулся с ворвавшимся в перекошенную дверь командиром в расхристанной гимнастерке и без ремня, налетевшим на него не хуже давешней взрывной волны:

– Тарщ генерал-майор, вы живы?! Целы?! Уходить нужно! Да скорее же! Вас контузило, что ли? Давайте помогу!

«Капитан Еремеев, мой адъютант, – автоматически подсказало сознание, несмотря на все перипетии определенно нештатной ассоциации, уже успевшее разобраться, что к чему. – Игорем Анатольичем звать, с июля сорок первого вместе».

– Нор...мально, Игорек, уходим, – подхватив со спинки упавшего стула портупею и полевую сумку, торопливо зашлепал босыми – только сейчас заметил – ногами к перекошенной двери. Подошву правой тут же болезненно кольнуло: наступил-таки на стекло, хоть осколков возле двери валялось и немного. Еремеев, на миг отпустив командира, метнулся куда-то в угол, тут же вернувшись. В руках он держал сапоги с повешенными на голенища портянками. Снова подхватив генерала под руку, едва ли не волоком потащил за собой:

– Да скорее же, Константин Иванович! Не ровен час, накроет следующей бомбой.

– Не накроет. – Рывком освободившись, Кобрин нырнул в дверной проем, в последнюю секунду ухитрившись избежать удара башкой о низкую притолоку. – Первый уже отбомбился, сейчас второй перенесет...

Тяжелый удар навалился будто одновременно со всех сторон. Кобрин швырнуло куда-то вперед и вбок, к счастью, примерно как раз в ту сторону, куда они и направлялись. Сознание погасло, и последним, что он еще успел осознать, было: «Вот сука, накрыли-таки прямым попаданием. Блестяще экзамен сдал, твою ж фрицевскую муттер...»

* * *

«Ракутин Константин Иванович, 1902 года рождения, уроженец деревни Новинки Нижегородского уезда, русский. Тридцатидевятилетний командарм. Прошел две войны, Гражданскую и Финскую, причем во время первой воевал на Западном фронте, участвовал в польском походе и боевых действиях на Дальнем Востоке. В 1920-х годах – служба на разных должностях в погранвойсках ОГПУ там же. Боевой путь начал помощником командира роты стрелкового полка, к 1940 году дослужившись до начальника Прибалтийского погранокруга. С лета этого же года – генерал-майор.

В 1919 году окончил пехотные курсы красных командиров в Тамбове, в 1931-м – Высшую пограничную школу ОГПУ, а в 1936-м – вечерний факультет Военной академии РККА имени Фрунзе. Несколько лет преподавал в учебных заведениях НКВД, два года был начальником погранотряда в Белорусской ССР, после чего занял пост начштаба Ленинградского пограничного округа, а еще через год возглавил Приб ПО.

Великую Отечественную встретил в Прибалтике, с первых дней войны командуя войсками, ведущими оборонительные бои, в частности под Лиепаем и Таллином. Отозван в столицу, где назначен командующим 31-й армии резерва Ставки, формирующейся под Москвой. В середине июля принимает под командование 24-ю армию. Но не Резервного фронта, как было в прошлый раз, а Западного. И потому теперь вовсе не факт, что ему суждено погибнуть в октябре под селом Семлёво Смоленской области, выводя из окружения попавшие в немецкое кольцо войска. Да и место его гибели военные археологи теперь вряд ли станут

искать долгих полстолетия[6 - В реальной истории судьба командарма Ракутина оставалась неизвестной долгие 55 лет, место героической гибели Константина Ивановича было обнаружено поисковым центром «Судьба» только в 1996 году. В том же году останки генерал-майора торжественно перезахоронили на территории Ленино-Снегиревского военно-исторического музея (Истринский район МО).]. И Золотую Звезду Героя с орденами Ленина и Отечественной войны I-й степени он тоже теперь вряд ли получит с пометкой «посмертно», скорее уж лично из рук товарища Калинина или даже Самого...»

Стоп... это что ж такое получается? Это он что, о самом себе в третьем лице размышляет?! Причем находясь в бессознательном состоянии и одновременно воспринимая и как исторического персонажа из прошлой версии истории, и как самого себя?! А... кто он сейчас НА САМОМ ДЕЛЕ, собственно говоря? Майор Сергей Викторович Кобрин, слушатель четвертого курса ВАСВ[7 - ВАСВ – Высшая академия сухопутных войск. Подробнее об этом и прошлых сражениях Кобрина можно узнать из трех первых книг серии: «Комбат. Вырваться из «котла»!», «Комбриг из будущего. Остановить панцерваффе!» и «Комдив. Ключи от «ворот Ленинграда», вышедших в издательстве «Яуза» в 2016–2017 годах.]? Или все же генерал-майор Константин Иванович Ракутин, бывший пограничник, а ныне – командарм 24-й армии Западного фронта?

Что за бред?

И все же, кто он такой, КТО?! Что с ним происходит?!

Застонав, Кобрин зашелся в мучительном, разрывающем грудь кашле – и очнулся, парой секунд спустя окончательно придя в себя.

Или не придя, а, скорее, ОСОЗНАВ, кто он такой...

Земля, далекое будущее

– Что значит, накладка?! Какая еще, на хрен, накладка, при вашем-то уровне подготовки?! Вы ведь утверждали, что точка переноса рассчитывается чуть ли не до долей секунды и фиг знает скольких знаков после запятой и многократно проверяется?

Сказать, что генерал-лейтенант Роднин был взбешен, выслушивая сбивчивый доклад начальника спецлаборатории, значит не сказать ничего.

– Вы там что, совсем сдурели?! Да за такое и под трибунал можно угодить, лично прослежу! А еще лучше – на фронт отправлю! Как наши героические предки делали! Кровью... искупать!

– Товарищ генерал, да поймите же вы! – застонал бледный, как полотно, ученый. – Подобное крайне сложно предсказать заранее! Практически невозможно! Тем более раньше ничего подобного не случалось. Причина, полагаю, в том, что изменения истории достигли некой точки невозвращения, своего пика, так сказать! И сейчас мы...

– Заткнись, Виктор Палыч, дай немного подумать. – Иван Федорович уже взял себя в руки, постепенно успокаиваясь.

Закончив нарезать круги вокруг рабочего стола, начальник академии тяжело опустился в кресло. Помолчав еще несколько секунд, в упор взглянул на ученого:

– Ладно, эмоции побоку. Давай, докладывай подробно, только без лишней воды. Исключительно факты. Что именно произошло, как произошло, почему произошло, чем это грозит и так далее. И самое главное – что с Сергеем?

– Есть, – по-военному четко ответил тот, вызвав на лице генерала скептическую ухмылку. – Разрешите начать с последнего вопроса: с майором Кобриным ничего критически страшного не произошло, судя по поступающей информации, небольшая контузия и легкие телесные повреждения, полученные в результате обрушения постройки. Ну, в смысле, той избы, где во время бомбардировки находился реципиент. Царапины и пара синяков, проще говоря. Плюс подошву ноги битым стеклом повредил, тоже неопасно. Жизни ничего не угрожает, это установлено абсолютно точно.

Начлаб сделал крохотную паузу, вопросительно взглянув на Роднина. Верно истолковав взгляд, тот махнул рукой, угрюмо буркнув в стол:

– Присаживайся, шея уже болит на тебя смотреть.

– Благодарю. Так вот, теперь касаемо первого вопроса... в смысле, вопросов. Согласно нашим данным, никакого немецкого авианалета на деревню, где с позавчерашнего вечера расположился штаб 24-й армии, в прошлой версии истории в эти дни не было. Вообще.

– Но он был? – иронически хмыкнул Иван Федорович. – Что есть факт. Свершившийся, как говорится. Причем бомбили, насколько я понял, весьма прицельно, наверняка отлично зная, по каким целям работают. Объяснение имеется?

– Предположение, – осторожно поправил научник. – Как я уже говорил, инспирированные нашими действиями изменения главной исторической последовательности (знакомый с этим неуклюжим, с его точки зрения, термином Роднин поморщился, но промолчал) достигли определенного предела, за которым крайне сложно отслеживать незначительные отклонения от базовой линии, на информации которой мы и выстраиваем наши планы, в частности, выбирая место и время ассоциации с реципиентом. Проще говоря, если тот же Гудериан вдруг решит сменить направление одного из своих ударов, мы этого, разумеется, ни в коем случае не пропустим, поскольку подобное оставит в истории более чем заметный след. Но заранее «заметить» внезапную атаку эскадрильи пикирующих бомбардировщиков или, к примеру, проведенный какой-нибудь мобильной батареей артобстрел уже не сможем. По крайней мере, до того момента, пока это не вызовет сколь-нибудь серьезного отклика в будущем. Конечно, подобное объяснение является весьма упрощенным, но суть примерно такова.

– Ладно, с сутью более-менее понятно. А что там с точкой невозвращения?

– Так в этом-то и первопричина! – буквально подскочил на месте ученый. – Согласно нашим предположениям, в определенный момент количественные изменения должны были неминуемо перейти в качественные! И, судя по всему, именно это только что и произошло! Суммарные изменения, вызванные боевыми действиями проходящих «Тренажер» слушателей, достигли некоего уровня, способного окончательно переломить естественную ригидность исторического процесса.

– Диалектика, блин! – не удержавшись, хмыкнул Роднин. – Тоже мне, открыли Америку! Прямо по учению господина Энгельса шпаришь.

– Ну... в определенном смысле, да... – осторожно согласился собеседник. – По крайней мере, впервые этот закон именно он и сформулировал...

– Хорошо, оставим теоретиков материализма в покое, тем более все это – не более чем седая древность. Но мы ведь и раньше фиксировали подобные изменения? И прекрасно ориентировались в изменившейся реальности. Вон, того же Кобриня взять, даже во время своего первого погружения он уже многого добился? Два «котла» предотвратил, кучу народа спас?

– Разумеется, товарищ генерал-лейтенант, – кивнул тот. – Любое более-менее серьезное воздействие на прошлое неминуемо приводит к изменениям будущего, что мы неоднократно и наблюдали. Нынешняя проблема в том, что до определенного предела мы могли четко отслеживать подобное. Причем отслеживать в реальном времени, по мере необходимости корректируя дальнейшие планы. Теоретически считалось, что так будет продолжаться до того самого момента, который и был назван «точкой невозвращения». Что произойдет дальше, мы точно не знали, даже сугубо умозрительно.

– А теперь знаем? – иронически фыркнул Иван Федорович. – Теоретики, понимаешь ли!

– Разбираемся, товарищ генерал-лейтенант. Но, полагаю, уже сейчас можно сказать, что наши теоретические выкладки нашли подтверждение. Нам нужно время... – Увидев выражение начальника академии, научник торопливо добавил: – Совсем немного времени! Обработать поступающую информацию, проанализировать, сделать выводы, составить математическую модель, прокатать в компьютере в нескольких вариантах...

– Хорошо, я понял, – нетерпеливо дернул рукой Роднин. – Ну и чем все эти изменения грозят нашей программе и участникам «Тренажера»? Так сказать, в целом и в частности? Например, майору Кобрину?

– В целом – ничем катастрофическим, просто придется более тщательно рассчитывать точку встречи донора и реципиента. Плюс – постоянно иметь в виду возможность неких, гм, осложнений. Те же информационные пакеты, которые мы готовили для наших людей, в определенной мере потеряли актуальность. Ну, а в частности, применительно к нашему испытуемому? Лично я бы предложил немедленно эвакуировать его в наше время. И повторить попытку

погружения в прошлое с учетом новой информации и наших новых возможностей. Специалисты информационно-расчетного центра уже работают, главный компьютер загружен на полную мощность, предварительные результаты будут в течение суток. Полагаю, адаптировать имеющиеся компьютерные программы под новые реалии удастся в самые кратчайшие сроки...

– Добро, работайте, – буркнул Роднин, больше не глядя на ученого. – Мне эти подробности без надобности, нужно будет – сам разберусь, не настолько уж и тупой. Что же до майора Кобрин, эвакуацию запрещаю категорически, только в случае непосредственной угрозы жизни или опасности невыполнения задания.

– Но...

– Это приказ, так что не обсуждается! А с Серегой все нормально будет, нисколько в этом не сомневаюсь. И не из таких передряг выбирался. Все, свободны. Докладывать каждый час, всю новую информацию немедленно сбрасывать на мой терминал. Возникнут вопросы – сам с вами свяжусь.

– Так точно. – Зачем-то одернув лабораторную пижаму, словно это была военная форма (что выглядело достаточно комично), начальник спецлаборатории аккуратно отодвинул кресло и бочком двинулся к выходу.

– Да, вот еще что. Ветвицкая в курсе наших... проблем?

– Нет, – отрицательно качнул тот головой. – Это вообще была не ее смена, вышла... ну, сами понимаете почему. Вернее, из-за кого. Когда мы получили первую телеметрию, Маша... то есть товарищ прапорщик, уже покинула лабораторию.

– Вот и не сообщайте ей ничего, пока сами не разберетесь. И временно ограничьте доступ, только аккуратно. Если полезет узнавать, что с Кобриным, а она обязательно полезет, пусть думает, что сервер там перезагружается или еще что – вам виднее, не впервой. Это тоже приказ. Идите.

Дождавшись, когда за ученым закроется дверь и индикатор защитного контура засветится ровным зеленоватым светом, Иван Федорович задумчиво постучал пальцами по лакированной столешнице, зачем-то взглянул на подушечки, будто

намереваясь обнаружить там следы пыли, и едва слышно пробормотал:

– Вот и дождались... Не ошиблись, получается, высоколобые относительно этой самой точки невозвращения, все верно предположили. И это хорошо, очень даже хорошо! А Серега... Серега справится, пусть только попробует мне не справиться!..

Район Вязьмы, 10 октября 1941 года (продолжение)

Пришедший в себя Кобрин полусидел, опираясь спиной на нечто податливо-мягкое, похоже, пухлую деревенскую подушку. Ощущал он себя – учитывая, каким оказалось недавнее пробуждение! – как ни странно, вполне сносно. Немного кружилась голова, что было для него вполне привычным, не впервой контузию получает, да саднила правая ступня, которой он напоролся на осколок оконного стекла. Причем с последней определено что-то делали, аккуратно ворочая туда-сюда. Ни гула авиационных моторов, ни взрывов больше слышно не было, лишь где-то вдалеке размеренно таякала зенитка, видимо, посылая вслед улетающему восвояси противнику последние снаряды.

Помедлив еще пару секунд, Сергей слегка приоткрыл глаза, быстро оглядевшись. Ну да, очередная изба. Выбитые взрывом окна задрапированы плащ-палатками, так что внутри полутемно, свет дает лишь керосиновая лампа, стоящая на массивном табурете возле кровати. На которой он, собственно говоря, и покоится в полулежащем положении. Ну, или полусидячем. Самая обычная кровать, на какие он уже успел насмотреться в этом времени – скрипучая панцирная сетка под ватным деревенским матрацем и никелированные шарики на прутьях в изголовье. В комнате было ощутимо прохладно, то ли печь в октябре еще не топили, то ли тепло успело выветриться через вышибленные при бомбежке окна.

Над пострадавшей ногой склонилась девушка в медицинском халате и повязанной на голове косынке, умелыми движениями пеленая ступню турами бинта. Интересно, сколько он без сознания провалялся? Судя по всему, не столь уж и долго, коль зенитчики еще по летучим фрицам пуляют. Собственно, уже и перестали, вот как раз только что бухнул последний выстрел.

Почувствовав, что раненый пришел в себя, санинструкторша – ну, или кто она там, петлиц под халатом не видно, так что вполне может оказаться каким-

нибудь военфельдшером – подняла голову. Быстрая смущенная улыбка сделала миловидное личико еще более привлекательным:

– Ой, простите, товарищ генерал-майор, не заметила, как вы очнулись! Виновата, не могу оторваться, повязку не окончила.

Захватив руками края бинта, девчушка с видимым усилием разорвала его надвое, марля поддалась с легким треском. Тонкие пальцы профессионально завязали аккуратный узелок чуть повыше лодыжки.

– Вот и все, товарищ командир, даже с портянкой мешать не будет. Через сутки повязку нужно будет сменить, не забудьте, пожалуйста.

Ощувив некоторое неудобство, Кобрин потрогал рукой замотанную бинтом голову:

– Благодарю. Что с головой?

– Ничего страшного, несколько царапин, когда вас упавшим потолком привалило. Повезло вам, товарищ генерал, могло хуже закончиться! А так две балки чердачные друг в дружку уперлись, а вы с товарищем капитаном в аккурат под ними оказались, словно в шалаше каком. Завал бойцы быстро разобрали, и пяти минут не прошло. Пока я прибежала, вас уже наружу вытащили. Хорошо, что загореться ничего не успело!

– А вроде дымом воняло... – автоматически пробормотал Кобрин, думая о своем.

– Так то сарай с сеном бомба подожгла! – охотно пояснила многословная медичка. – Пока вас вытаскивали, он и сгорел. Зато немцы больше по тому подворью не бомбили, видать, решили, что попали куда нужно.

– А с капитаном Еремеевым что?

– Живой, не переживайте, ему только спину сильно исцарапало да поясницу ушибло, когда вас собой накрывал.

– Что? Это в каком смысле накрывал?

– Ой, так вы ж не в курсе! Так в прямом и накрывал, вас так и раскопали, вы внизу, а он, значит, сверху. Навалился, чтобы от обломков защитить. Только по голове-то как раз вас и ударило, а ему по спине. Но он даже сознания не терял, помогал завал изнутри разбирать. Бойцы говорят, товарищ капитан так матерился, что вас сразу же нашли, по голосу. Перевязали уже, в соседней комнате сидит.

– Все-то ты знаешь, красавица. Прямо не доктор, а чистый разведчик! Как звать-то?

– Олесея кличут, товарищ генерал-майор, – смущенно улыбнулась девушка, тут же вытянувшись в некое подобие стойки «смирно». – Ой, то есть виновата, санитарный инструктор боец Ташевич! Разрешите идти? Сейчас вас товарищ военврач второго ранга осмотрит, он тоже в соседней комнате дожидается, просил немедленно сообщить, как вы в себя придете. И начштаба ваш там же.

– Свободны, товарищ санинструктор...

Много времени осмотр у вошедшего в помещение военного медика не занял – да и с чего бы? Кобрин и сам мог сказать, что на этот раз обошлось без серьезной контузии, поскольку сознание он потерял, исключительно получив по башке обрушившимся потолком. Да и то не особенно сильно, поскольку иначе б его уже отправили в госпиталь.

Врач, впрочем, придерживался такого же мнения, осмотрев пациента, проверив рефлексы и задав несколько вопросов, лишь развел руками:

– Повезло вам сегодня, товарищ командарм! Стена ударную волну ослабила и вверх отразила, потому она только чердак снесла да перекрытия обрушила. Так что признаков серьезной контузии не вижу, предполагаю небольшое сотрясение, когда вас обломками привалило. А может, даже и сотрясения никакого нет. По-хорошему, вам бы, конечно, буквально на денек-другой в госпиталь, на обследование, так ведь не согласитесь же?

– Глупостей не говорите, товарищ доктор, – буркнул Сергей, вполне бодро садясь на кровати и натягивая гимнастерку. – Сегодняшним утром немцы начали наступление, будто не знаете, какой уж тут госпиталь?

– Прекрасно вас понимаю, – поправив на узком, с небольшой горбинкой носу покосившиеся круглые очки самого что ни на есть штатского вида, грустно кивнул тот. – Именно потому и говорю, что повезло. Работы для меня и моих подчиненных и без того скоро ох как немало будет, а если б армия еще и командующего лишилась... совсем беда.

Встретившись с Кобриным взглядом, военврач торопливо вскочил на ноги.

– Виноват, товарищ генерал-майор, лишнего сказал! Разрешите идти?

– Идите. – Сергей уже справился с первым раздражением. Да и с чего это он, собственно говоря, решил, что медик, как в этом времени говорить принято, «пораженчество разводит»?! Скорее, как раз вовсе наоборот, абсолютно трезво оценивает ситуацию. Поскольку как профессионал просто не может (да и права такого не имеет) не понимать, что массированное наступление противника даже в самом благоприятном для РККА случае приведет к значительным потерям, прежде всего ранеными.

– Погодите... как вас, простите? Прослушал, когда представлялись.

– Военврач второго ранга Антюфеев, – заученно отчеканил тот.

– А по имени-отчеству?

– Иван Никанорович.

– Воевали, Иван Никанорович?

– Так точно, с пятого дня войны... или седьмого? Да, виноват, запаматовал, так и есть, с двадцать девятого июня на фронте. Правда, особенно повоевать и не пришлось, почти два месяца в тыловом госпитале провалялся, когда нас немецкие бомбардировщики в самом начале июля на марше раскатали, вместе с эвакуируемыми ранеными и персоналом. Только девять человек и уцелело, если вместе с ранеными считать. Прямо по красным крестам на крышах автобусов, подлецы, били, словно по мишеням...

– Простите меня, Иван Никанорович, погорячился. Никак мысли в порядок не приведу, сами понимаете.

– О чем вы, товарищ командарм?! – Антюфеев, похоже, искренне удивился. Ну, или сделал вид, что удивился.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Это широко известное выражение впервые было произнесено И.В. Сталиным еще в 1928 году: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики». В 1931 году он снова повторил его, несколько перефразировав: «Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять» (здесь и далее – прим. автора).

2

Управление особых отделов (УОО) – до 1943 года – орган военной контрразведки, предшественник легендарного СМЕРШа.

3

Именно так описывал в своих мемуарах маршал А.М. Василевский «чайную церемонию» Сталина, являвшегося большим любителем этого напитка.

4

Кобрин имеет в виду старый анекдот о том, что бегущий генерал в мирное время вызывает смех, а в военное – панику.

5

К примеру, фельдмаршала фон Клюге Гудериан настолько достал своим поведением, что тот потребовал у Гитлера разрешить ему дуэль. А в конце войны не выдержал уже и сам Гитлер, отправив Гейнца, к тому времени возглавлявшего Генштаб, в отпуск для «приведения в порядок нервов» – и это в те дни, когда крах Германии был неизбежен!

6

В реальной истории судьба командарма Ракутина оставалась неизвестной долгие 55 лет, место героической гибели Константина Ивановича было обнаружено поисковым центром «Судьба» только в 1996 году. В том же году останки генерал-майора торжественно перезахоронили на территории Ленино-Снегиревского военно-исторического музея (Истринский район МО).

7

ВАСВ – Высшая академия сухопутных войск. Подробнее об этом и прошлых сражениях Кобрина можно узнать из трех первых книг серии: «Комбат. Вырваться из «котла»!», «Комбриг из будущего. Остановить панцерваффе!» и «Комдив. Ключи от «ворот Ленинграда», вышедших в издательстве «Яуза»

в 2016–2017 годах.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tarugin_oleg/komandarm-pozadi-moskva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)